

СОДЕРЖАНИЕ
“ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА”
МЕМУАРЫ
РОТМИСТРОВ П. А. “СТАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ”

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТАНКИ ПРОТИВ ТАНКОВ

Боевой опыт в контрнаступлении Красной Армии под Сталинградом и на Среднем Дону убедительно доказал, что советские танковые войска могут добиваться решающих успехов, когда они при поддержке мощной противотанковой артиллерии и авиации действуют массированно на направлениях главных ударов.

К тому времени наша танковая промышленность уже набрала высокие темпы выпуска бронетанковой техники. Это позволило продолжать формирование новых отдельных танковых и механизированных корпусов, а также объединять их в танковые армии.

В середине февраля 1943 года, когда 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус приводил себя в порядок после тяжёлых боев под Батайском и Ростовом, меня вызвали к командующему войсками Южного фронта генерал-полковнику Р. Я. Малиновскому, сменившему на этом посту генерал-полковника А. И. Еременко.

- Вы, Павел Алексеевич, - сказал Родион Яковлевич, - как говорится, танкист до мозга костей, притом убеждённый сторонник массированного применения танков. В Ставке Верховного Главнокомандования и на военных советах фронтов обсуждается вопрос о формировании танковых армий. Москва интересуется мнением командиров танковых корпусов, в частности вашими взглядами на то, какой должна быть танковая армия.

- Кстати, мне только что звонил из Генштаба генерал Боков, - вмешался в разговор член Военного совета фронта Н. С. Хрущёв. - Он ждёт вас и при необходимости организует встречу с товарищем Сталиным.

- Что ж, я готов доложить своё мнение Верховному Главнокомандующему, - заверил я.

- Вот и хорошо, Павел Алексеевич, - улыбнувшись, сказал Р. Я. Малиновский. - Отправляйтесь в Москву.

Командующий фронтом приказал мне возложить временное командование корпусом на генерала А. И. Вовченко и по прибытии в Москву до встречи с Ф. Е. Боковым переговорить с командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии Я. Н. Федоренко.

На следующий день я самолётом прибыл в столицу. Москва встретила шумным оживлением, сигналами большого потока автомашин и перезвоном

трамваев. Было заметно, что большинство москвичей в хорошем, бодром настроении. Их, как и весь наш народ, радовали крупные победы советских войск. И улицы выглядели более просветлёнными: громоздившиеся на них в 1942 году различные оборонительные сооружения были убраны. Правда, в окнах домов виднелись приспущенные черные полотнища - по ночам еще соблюдалась светомаскировка.

После беседы со мной генерал Я. Н. Федоренко сказал, чтобы я ехал в Генштаб, к Ф. Е. Бокову.

Фёдор Ефимович принял меня душевно, подробно информировал о существе дела, по которому я вызван с фронта.

- Вопрос, о реорганизации созданных еще в прошлом году танковых армий смешанного состава, — говорил он, - уже давно назрел. Опыт показал, что управлять армией, имеющей в своём составе танковые, пехотные и кавалерийские соединения с различной степенью подвижности и манёвренности, весьма сложно, особенно в наступлении. Вам, Павел Алексеевич, как теоретика и практика, видимо, это хорошо известно.

- Положим, Фёдор Ефимович, теоретиком в полном смысле этого слова я себя не считаю. А практика со всей очевидностью установила, что для развития успеха на большую глубину в крупных наступательных операциях войска фронта или фронтов должны иметь высокоподвижные, обладающие большой ударной силой и огневой мощью танковые соединения и объединения. Только они могут решать задачи такого рода, обеспечить массирование танков на важнейших направлениях и в решающий момент.

- Яков Николаевич Федоренко сообщил мне, что вы просите организовать вам встречу с товарищем Сталиным, Это так? - спросил Ф. Е. Боков.

- Вообще-то с такой просьбой к генералу Федоренко я не обращался, а говорил ему лишь о готовности доложить Верховному своё мнение по обсуждаемому в Ставке вопросу...

Тут на столе у Фёдора Ефимовича зазвонил телефон.

- Слушает Боков, - поднял трубку генерал. - Здравствуйте, товарищ Сталин! Сию минуту... - Он торопливо раскрыл папку, доложил Верховному последнюю сводку с фронтов, затем, ответив на несколько вопросов Сталина, скосил взгляд на меня и сказал: - Прибыл с Южного фронта генерал Ротмистров. Прошу, товарищ Сталин, чтобы вы его приняли.

Лицо Бокова расплылось в широкой улыбке. Видимо, Сталин сказал что-то шутовское.

- Слушаюсь! - погасив улыбку, коротко ответил генерал и положил трубку. Боков встал и, кивнув на телефонный аппарат, весело сказал: -

Хорошее настроение у Верховного... Велел вас приглашать. Примет сразу же после моего доклада о положении на фронтах...

Он тут же позвонил секретарю И. В. Сталина А. Н. Поскрёбышеву и заказал для меня пропуск.

Вечером мы прибыли в Кремль.

В приёмной Верховного находился только Поскрёбышев. Поздоровавшись, он, обращаясь к Бокову, сказал, что И. В. Сталин беседует с группой конструкторов и просит немного подождать.

Вскоре высокая дверь раскрылась, и из кабинета Сталина начали выходить конструкторы, перебрасываясь короткими фразами и угощая друг друга папиросами.

Пригласили Ф. Е. Бокова, а я остался в приёмной наедине с Поскрёбышевым, который, казалось, не замечал меня, сосредоточенно разбирая документы и отвечая на телефонные звонки.

Присев по его приглашению на стул, я обдумывал, как более коротко и четко доложить Верховному своё мнение, зная, что он не любит пространных рассуждений.

И вот, наконец Поскрёбышев предложил мне зайти в кабинет Верховного Главнокомандующего. За длинным столом сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б), Ставки и правительства. Почему-то в первое мгновение мой взгляд скользнул по лицу В. М. Молотова, поправлявшего пенсне. Сталин, стоявший в глубине кабинета с неизменной трубкой в слегка согнутой руке, медленно двинулся мне навстречу. Я остановился и по-уставному доложил о прибытии по его приказанию.

- Я вам не приказывал, я вас приглашал, товарищ Ротмистров, - подал мне руку Сталин. - Рассказывайте, как громили Манштейна.

Меня это несколько смутило: ведь Верховному наверняка в подробностях было известно о боях с войсками противника, рвавшимися на выручку группировке Паулюса, окружённой под Сталинградом. Но коли он спрашивает, я начал рассказывать, анализируя эти бои, тактику действий 3-го гвардейского танкового корпуса в наступлении на Рычковский и Котельниково.

Сталин бесшумно прохаживался вдоль стола, изредка задавая мне короткие вопросы. Внимательно слушали меня и все присутствующие. Мне даже подумалось, что Верховный предложил рассказать про бои с Манштейном скорее всего именно для них.

Как-то незаметно Сталин перевёл разговор на танковые армии.

- Наши танковые войска, - сказал он, - научились успешно громить противника, наносить ему сокрушительные и глубокие удары. Однако

почему вы считаете нецелесообразным иметь в танковой армии и пехотные соединения?

Верховный остановился и прищуренным взглядом пристально посмотрел мне в глаза. Я понял, что кто-то сообщил ему моё мнение.

- При наступлении стрелковые дивизии отстают от танковых корпусов. При этом нарушается взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями, затрудняется управление ушедшими вперёд танками и отставшей пехотой.

- И все же, - возразил Сталин, - как показали в общем-то смелые и решительные действия танкового корпуса генерала Баданова в районе Тацинской, танкистам без пехотинцев трудно удерживать объекты, захваченные в оперативной глубине.

- Да, - согласился я. - Пехота нужна, но моторизованная. Именно поэтому я считаю, что в основной состав танковой армии помимо танковых корпусов должны входить не стрелковые, а мотострелковые части.

- Вы предлагаете пехоту заменить механизированными частями, а командующий танковой армией Романенко доволен стрелковыми дивизиями и просит добавить ему еще одну-две такие дивизии. Так кто же из вас прав? - спросил молчавший до этого В. М. Молотов.

- Я доложил своё мнение, - ответил я. - Считаю, что танковая армия должна быть танковой не по названию, а по составу. Наилучшим ее организационным построением было бы такое: два танковых и один механизированный корпус, а также несколько полков противотанковой артиллерии. Кроме того, следует обеспечить подвижность штабов и надёжную радиосвязь между ними, частями и соединениями...

И. В. Сталин внимательно слушал меня, одобрительно кивал и, улыбаясь, посматривал на В. М. Молотова, который вновь перебил меня вопросом:

- Выходит, вы не признаете противотанковые ружья, если, по существу, хотите их заменить противотанковой артиллерией. Но они ведь успешно используются против танков и огневых точек. Разве не так?

- Дело в том, товарищ Молотов, что противотанковые ружья были и остаются эффективным средством борьбы с танками противника в оборонительных операциях, когда огонь ведётся из окопов с расстояния не более трёхсот метров. А в манёвренных условиях они не выдерживают единоборства с пушечным огнем вражеских танков, открываемым на дистанции пятьсот метров и больше. Поэтому и желательно иметь в танковых и механизированных корпусах хотя бы по одной противотанковой бригаде.

Обсуждение вопроса продолжалось около двух часов. И. В. Сталина заинтересовали и высказанные мною взгляды на применение танковых армий в наступательных операциях. Они сводились к тому, что танковые армии следует использовать как средство командующего фронтом или даже Ставки Верховного Главнокомандования для нанесения массированных ударов, прежде всего по танковым группировкам противника на главных направлениях без указания им полос наступления, которые лишь сковывают маневр танков.

Чувствовалось, что Сталин хорошо понимает значение массированного применения танковых войск и не одного меня заслушивал по этому вопросу.

- Придёт время, - сказал он, как бы вслух размышляя, - когда наша промышленность сможет дать Красной Армии значительное количество бронетанковой, авиационной и другой боевой техники. Мы скоро обрушим на врага мощные танковые и авиационные удары, будем беспощадно гнать и громить немецко-фашистских захватчиков. - Сталин заглянул в лежавший на столе блокнот и снова двинулся по кабинету, продолжая рассуждать: - Уже сейчас у нас имеется возможность для формирования новых танковых армий. Вы могли бы возглавить одну из них, товарищ Ротмистров?

- Как прикажете, - быстро поднялся я со стула.

- Вот это солдатский ответ, - сказал Верховный и, снова пристально посмотрев на меня, добавил: - Думаю, потянете. Опыта и знаний у вас хватит.

У присутствовавших, вероятно, были дела, требовавшие срочных решений Сталина, и, считая, что наш разговор затянулся, они начали проявлять заметное нетерпение. Сталин уловил это и попрощался.

Через день я был вызван в Генштаб. Там уже находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковник Я. Н. Федоренко. Генерал Боков сообщил, что при его очередном докладе И. В. Сталину Верховный полностью одобрил высказанные мною предложения и подписал директиву о формировании 5-й гвардейской танковой армии, поручив Генштабу совместно с управлением Я. Н. Федоренко тщательно разработать проект структуры новых танковых армий.

Одновременно был подписан приказ о назначении командования 5-й гвардейской танковой армии. Командармом назначался я, моим первым заместителем - генерал-майор И. А. Плиев, вторым - генерал-майор К. Г. Труфанов, членом Военного совета - генерал-майор танковых войск П. Г. Гришин и начальником штаба армии - полковник В. Н. Баскаков.

- А ты опять уликнул от меня, - лукаво посмеиваясь, сказал Я. Н. Федоренко. - Честно говоря, упрашивал я товарища Сталина назначить тебя моим заместителем. Но он ответил как отрезал: "Канцеляристов и так в Москве развелось много!"

Радовало, что моими заместителями были назначены опытные генералы, служившие в коннице - родоначальнице и носительнице манёвра, хорошо знавшие тактику подвижных родов войск.

К Иссе Александровичу Плиеву я проникся искренним уважением еще в ходе боев под Сталинградом. Это был командир твёрдого характера, смелый и решительный. К сожалению, наша совместная служба оказалась непродолжительной. Еще до начала боевых действий 5-й гвардейской танковой армии его назначили на должность заместителя командующего Степным округом (в последующем преобразованным в Степной фронт) по кавалерии.

Генералов К. Г. Труфанова и П. Г. Гришина я лично не знал, но их биографические данные, с которыми меня ознакомили, говорили сами за себя.

Кузьма Григорьевич Труфанов - член большевистской партии с 1924 года, активный участник гражданской войны, за подвиги в боях против белогвардейцев и контрреволюционных банд был награждён двумя орденами Красного Знамени. В действующую армию он прибыл с должности начальника Ташкентского кавалерийского училища.

Пётр Григорьевич Гришин вступил в члены ВКП(б) в 1930 году, показал незаурядные способности на политработе, участвуя в боях с первых дней войны, до назначения членом Военного совета 5-й гвардейской танковой армии занимал должность заместителя командира 6-го танкового корпуса по политчасти.

Лучше всех я знал полковника, а с 7 июня генерал-майора танковых войск Владимира Николаевича Баскакова - бывшего начальника штаба 3-го гвардейского танкового корпуса, образованного офицера, хорошо знавшего штабную работу и обладавшего завидным упорством в труде.

Вскоре мы приступили к решению многочисленных организационных вопросов, разработке плана боевой и политической подготовки личного состава соединений и армейских частей, приёму эшелонов с пополнением, техникой, боеприпасами и различными военными грузами.

Первоначально в состав армии включались 3-й гвардейский Котельниковский и 29-й танковые корпуса, 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус, 6-я зенитно-артиллерийская дивизия РКК, 1-й отдельный гвардейский мотоциклетный, 678-й гаубичный артиллерийский, 76-й гвардейский миномётный, 994-й отдельный авиационный, 108-й и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийские полки, 4-й отдельный полк связи и 377-й отдельный инженерный батальон. 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус генерал-майора танковых войск И. А. Вовченко срочно убыл под Харьков, и в основном составе армии остались

пока что два корпуса - 29-й танковый и 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный.

Нужно сказать, что они по численности, боевому опыту и боевым возможностям имели свои отличия. 5-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора танковых войск Бориса Михайловича Скворцова (начальник штаба генерал-майор танковых войск Иван Васильевич Шабаров) проявил себя в Сталинградской битве, особенно под Зимовниками, Цимлянкой, в междуречье Волги и Дона. Но после тяжёлых боев в районе Ростова в корпусе недоставало 2000 солдат и офицеров и 204 танка. Надо было в короткие сроки восстановить боевую мощь соединения и обучить новое пополнение на опыте минувших сражений, в совершенно иных условиях боевой деятельности.

29-й танковый корпус формировался из отдельных танковых бригад, ранее действовавших в качестве соединений непосредственной поддержки пехоты. Командиру корпуса генерал-майору танковых войск Фёдору Георгиевичу Аникушкину и его штабу во главе с полковником Евгением Ивановичем Фоминых надлежало свести бригады в единый боевой организм, способный смело и решительно действовать в оперативной глубине, а самое главное - наносить массированные танковые удары по танковым группировкам противника во встречных сражениях и наступательных операциях. Для решения таких задач необходимо было не только изменить тактические приёмы применения танков в бою, но и психологически подготовить личный состав бригад к новым формам боя.

27 апреля 1943 года в командование 29-м танковым корпусом вступил генерал-майор танковых войск Иван Фёдорович Кириченко, очень опытный танковый командир, возглавлявший в Московской битве 9-ю танковую бригаду. Под его энергичным руководством началась упорная и напряжённая работа по сколачиванию танковых экипажей, взводов, рот и батальонов. Личный состав стремился максимально использовать имевшееся время для изучения накопленного боевого опыта, приказов и наставлений по боевому использованию родов войск, прежде всего танков, в различных видах боя, с учётом условий ведения манёвренной войны. Совершенствовались также своё огневое мастерство орудийные и миномётные расчёты, стрелки и пулемётчики, готовились к боям связисты, сапёры, воины всех специальностей.

Боевая учёба сочеталась с воспитанием у личного состава высоких морально-боевых качеств - мужества, стойкости, смелости, воли и отваги, чувства ответственности за выполнение поставленных задач, горячей любви к Родине и беззаветной преданности Коммунистической партии.

Предметом особой заботы Военного совета армии, командиров и политорганов было всемерное повышение уровня партийно-политической работы, укрепление партийных и комсомольских организаций частей и подразделений. На 1 апреля 1943 года у нас насчитывалось 2158 членов, 1675 кандидатов в члены партии и 5142 комсомолец. Активно работали 130 первичных, 212 ротных партийных организаций и 10 партгрупп, 124 первичные и 322 ротные комсомольские организации. Только в марте 1943 года в партию вступили 196 бойцов и командиров, а в комсомол - 265 молодых воинов.

Формированию, укомплектованию 5-й гвардейской танковой армии личным составом и техникой, подготовке к отправке ее на фронт большое внимание уделялось Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Меня неоднократно вызывали в Москву с докладами о ходе боевой подготовки и материального обеспечения войск, во всем оказывали помощь.

При посещении столицы мне довелось встречаться с рядом партийных и государственных деятелей, известными писателями и журналистами.

Запомнились тёплые, душевные беседы с А. И. Микояном, который, будучи членом Государственного Комитета Обороны, руководил снабжением Красной Армии продовольствием, обмундированием, горючим, боеприпасами и другими материальными средствами. Благодаря его вниманию и заботе 5-я гвардейская танковая армия за короткий срок была обеспечена всем необходимым.

Очень взволновала встреча с М. И. Калининым во время вручения правительственных наград. Михаил Иванович сердечно поздравил награждённых, рассказал о героическом труде советского народа во имя победы и призвал к быстрейшему освобождению родной земли от немецко-фашистских захватчиков.

Вручая мне орден Суворова II степени, он просил передать горячий привет и добрые пожелания героям-танкистам, сказал, что вся страна восхищена их подвигами и ждёт новых побед над ненавистным врагом.

Однажды к себе в гости меня пригласил А. Н. Толстой. Замечательного советского писателя очень интересовало, как он признался, живое слово фронтовика.

- Я представлял вас несколько иным, - сказал, здороваясь, Алексей Николаевич, - этаким лихим, разудалым командиром. А в вашем облике есть что-то профессорское.

- Очки подводят. Впрочем, если бы не война, может, и стал бы профессором, - пошутил я.

Толстой сказал, что желание побеседовать со мной у него появилось после того, как он прочитал в газете “Красная звезда” статью под названием “Мастер вождения танковых войск”, в которой рассказывалось обо мне.

Задуманная беседа у нас продолжалась, вероятно, часа два. Писатель расспрашивал меня о боевых действиях танковых войск, тактических приёмах и конкретных примерах героизма танкистов.

- Наши командиры и бойцы научились воевать по-настоящему, - не без гордости говорил я. - Тактика теперь проверена у нас на практике: стремительный натиск крупных масс танков на главном направлении удара. Это как нельзя более соответствует природе танковых войск, сила которых заключается не только в их броне и огне, но и в высокой подвижности. И второе - мы прилагаем все усилия к тому, чтобы сохранить за собой поле боя, если даже у нас много подбитых танков.

- Простите за сугубо штатский, может быть, наивный вопрос: почему? - спросил Алексей Николаевич.

- Потому что повреждённые танки мы исправим в походных мастерских, и они снова встанут в строй. В начальный период войны мы были не в силах, а иногда и просто не умели этого делать. Поэтому наши подбитые танки попадали в руки противника. Теперь картина другая...

Касаясь итогов Сталинградской битвы, Алексей Николаевич говорил:

- Уничтожение шестой армии фон Паулюса под Сталинградом оказалось для немцев большой катастрофой... Немцы начали сомневаться в непогрешимости своих генералов и с нарастающей тревогой страшатся окружения. После Сталинграда только глупец может сомневаться в грядущей полной победе советских войск. - Он на минуту умолк, приподняв свою массивную, лобастую голову, затем, глубоко вздохнув, добавил: — Эх, найдётся ли у нас такой гигант в литературе, как Лев Толстой, способный создать об этой войне такое же эпическое полотно, как “Война и мир”?..

И я тогда подумал, что самому ему под силу создание такого произведения...

...К середине марта штаб армии, армейские части, главные силы 29-го танкового и 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпусов сосредоточились в Миллерово. Однако гитлеровцы, видимо, обнаружили здесь большое скопление наших танков и подвергли нас сильной бомбардировке. Под удар авиации противника попали и стоявшие на станции эшелоны полевого управления армии. Но потерь мы не понесли. Выручили отлично подготовленные расчёты частей 6-й зенитно-артиллерийской

дивизии, которой командовал гвардии полковник Г. П. Межинский. Метким и плотным огнем они отогнали фашистские самолёты, принудив их сбрасывать бомбовый груз где попало.

На фронте в то время немецко-фашистские танковые и моторизованные соединения, вновь захватив Харьков, теснили войска нашего Юго-Западного фронта в Донбассе на восток, к Северскому Донцу. Воронежский фронт войсками левого крыла тоже отошёл за Северский Донец, оставив Белгород.

Командование Степного военного округа, в состав которого вошла 5-я гвардейская танковая армия, приняло решение передислоцировать ее ближе к фронту, в район города Острогожска.

Здесь продолжалась плановая боевая учёба частей и соединений армии. Большое внимание уделялось подготовке штабов. На командно-штабных учениях и ежедневных тренировках отрабатывались вопросы управления войсками, организации устойчивой связи, непрерывного взаимодействия между танками, пехотой, артиллерией и авиацией в различных условиях боевой обстановки, изучались особенности ввода танковой армии в прорыв в целях развития тактического успеха в оперативный, боевые действия в глубине обороны противника, способы окружения и уничтожения крупных группировок врага, нанесения фланговых ударов во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта.

Подготовка штабов завершилась в июне большими армейскими командно-штабными учениями, на которых мы с удовлетворением убедились, что штабы стали надёжными органами управления войсками.

Подводя итоги боевой учёбы, мы доложили Военному совету Степного округа, что по своей подготовленности штабы могут справиться с задачами управления боем в сложной обстановке, а соединения и части сколочены и готовы к выполнению боевых задач.

* * *

Был на исходе июнь 1943 года. Все острее ощущалось приближение грозных событий. По тем данным, которыми мы располагали, можно было предположить, что они развернутся на орловско-курском и белгородско-харьковском направлениях. Здесь советские войска после овладения Курском продвинулись на запад до линии Севск, Рыльск, Сумы. Образовался так называемый Курский выступ. Дугообразная конфигурация фронта при наличии у противника крупных группировок севернее выступа, в районе Орла, и южнее, в районе Белгорода, позволяла ему нанести встречные удары на Курск в целях окружения и уничтожения главных сил наших

Центрального и Воронежского фронтов с последующим развитием наступления в восточном направлении.

Осуществление таких ударов, как известно, являлось излюбленной и хорошо освоенной формой оперативного манёвра немецко-фашистских войск, и гитлеровское командование, конечно, не могло не воспользоваться сложившейся ситуацией - попытаться взять реванш за поражение в зимней кампании, чтобы вновь овладеть стратегической инициативой и повернуть ход войны в свою пользу.

В то время гитлеровская армия представляла еще достаточно мощную силу, способную выдержать длительную и напряжённую борьбу. Путём спешно проведённой тотальной мобилизации фашистскому руководству удалось значительно восполнить потери в личном составе войск и довести общую численность вооружённых сил до 10,3 миллиона человек, из которых около 5,3 миллиона находилось в действующей армии. Одновременно было резко увеличено производство вооружения, выпуск которого к концу лета намечалось довести до наивысшего уровня.

Для восстановления военного и политического престижа фашистской Германии, упавшего в глазах ее союзников после сокрушительных зимних поражений, Гитлеру нужна была крупная победа, и он шёл на все, чтобы ее добиться.

Как стало известно позже, уже в середине апреля гитлеровское командование завершило разработку плана крупнейшей стратегической наступательной операции на советско-германском фронте, получившей кодовое наименование "Цитадель". Этим планом предусматривалось развернуть мощное наступление именно в районе Курска силами групп армий "Центр" и "Юг" с использованием их нависающего положения над флангами советских войск, занимавших Курский выступ.

К операции привлекалось до 50 полностью укомплектованных, наиболее боеспособных немецких дивизий, в том числе 14 танковых и 2 моторизованные, 2 танковые бригады, 3 отдельных танковых батальона, 8 дивизионов штурмовых орудий, а всего - около 70 процентов танковых и до 30 процентов моторизованных соединений, действовавших против Красной Армии.

Большие надежды гитлеровцы возлагали также на новейшую боевую технику - средние и тяжёлые танки Т-V ("пантера") и Т-VI ("тигр"), самоходные орудия "фердинанд", самолёты "Фокке-Вульф-190А" и "Хеншель-129", имевшие сильное пушечное и пулемётное вооружение.

Советские войска тоже активно готовились к наступлению. Бывая в штабе Степного военного округа, я был ориентирован, что немецко-фашистской группировке на Курской дуге противостояли войска двух наших

фронтов - Центрального под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского и Воронежского, которым командовал генерал армии Н. Ф. Ватутин. Эти талантливые советские военачальники хорошо были знакомы мне.

Непосредственно за Центральным и Воронежским фронтами находился Степной военный округ, вскоре преобразованный в Степной фронт, возглавляемый генерал-полковником И. С. Коневым. “Степному фронту, - писал Г. К. Жуков, - отводилась весьма важная роль. Он не должен был допустить глубокого прорыва наступавшего противника, а при переходе наших войск в контрнаступление его задача заключалась в том, чтобы нарастить мощь удара наших войск из глубины. Расположение войск фронта на значительном удалении от противника обеспечивало ему свободный маневр всеми силами фронта или частью их”.

Таким образом, войска Степного фронта готовились и обороняться, и наступать, опираясь на создаваемый им рубеж и на государственный рубеж обороны по левому берегу Дона.

Готовилась к решительным боевым действиям и наша армия. Получив сведения о том, что гитлеровцы в предстоящих боях применят новые танки, и узнав их тактико-технические данные, мы внесли соответствующие поправки в подготовку экипажей и артиллерийских расчётов. С командирами батальонов, полков, бригад и корпусов были проведены специальные занятия, а также детальная рекогносцировка наиболее вероятных маршрутов на обоянском и белгородском направлениях.

Армия могла вступить в сражение непосредственно с марша. Поэтому мы заблаговременно создали передовой сводный отряд в составе 53-го гвардейского танкового, 1-го отдельного гвардейского мотоциклетного и 678-го гаубичного артиллерийского полков. Командование этим отрядом было возложено на заместителя командующего армией генерал-майора К. Г. Труфанова.

Основной упор при подготовке частей отряда делался на изучение способов действий в качестве авангарда армии и в отрыве от ее главных сил на 100-150 километров. В завершение подготовки провели тактическое учение с боевой стрельбой на тему: “Действия передового отряда по захвату и удержанию выгодного рубежа”. Присутствовавшие на учениях представители командования Степного фронта дали высокую оценку боеспособности войск 5-й гвардейской танковой армии.

...5 июля 1943 года начальник штаба Степного фронта генерал-лейтенант М. В. Захаров сообщил мне по телефону, что на Центральном и Воронежском фронтах завязались ожесточённые бои.

- В основной состав вашей армии дополнительно включается восемнадцатый танковый корпус генерала Б. С. Бахарова. Свяжитесь с ним. Приведите все войска армии в полную боевую готовность и ждите распоряжений, - потребовал он.

А на следующий день в армию прилетел командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Он уже более подробно информировал меня о боевой обстановке.

- Наиболее мощный удар противник наносит на курском направлении из района Белгорода. В связи с этим, - сказал Иван Степанович, - Ставка приняла решение о передаче Воронежскому фронту вашей и пятой гвардейской армий. Вам надлежит в очень сжатые сроки сосредоточиться вот здесь. - Командующий очертил красным карандашом район юго-западнее Старого Оскола.

Примерно через час после того, как улетел И. С. Конев, позвонил по ВЧ И. В. Сталин.

- Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? - спросил он.

- Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Степиным.

- Как думаете осуществить передислокацию?

- Своим ходом.

- А вот товарищ Федоренко говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

- Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберём армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжёлом положении.

- Вы намерены совершать марш только ночами?

- Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и, если двигаться только в тёмное время суток, мне придётся на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

- Что вы предлагаете?

- Прошу разрешения двигать армию днём и ночью...

- Но ведь вас в светлое время будут бомбить, — перебил меня Сталин.

- Да, возможно. Поэтому прошу вас дать указание авиации надёжно прикрыть армию с воздуха.

- Хорошо, - согласился Верховный. - Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начале марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку.

Мы тут же наметили маршруты движения армии. Для марша была определена полоса шириной 30-35 километров с движением корпусов по трём маршрутам. В первом эшелоне двигались два танковых корпуса, во втором - 5-й гвардейский Зимовниковский мехкорпус, другие боевые части и тылы.

6 июля - день моего рождения. Естественно, что мне хотелось отметить его в кругу своих боевых друзей. Заранее были разосланы приглашения на товарищеский ужин командованию корпусов, офицерам и генералам полевого управления армии. С изменением обстановки я решил приглашений не отменять, а воспользоваться сбором командиров для отдачи предварительных распоряжений на марш.

Каково же было удивление собравшихся, когда вместо празднично накрытого стола они увидели меня за оперативной картой. Я информировал их о предстоящей переброске армии и поставил задачи. Но все же после обсуждения всех вопросов, связанных с маршем, было подано трофейное шампанское и боевые друзья поздравили меня с юбилеем и высказали добрые пожелания.

Командиры убыли в свои штабы для выполнения полученных указаний. Начальник штаба армии генерал В. Н. Баскаков с начальниками подчинённых ему отделов, командующим артиллерией генерал-майором артиллерии И. В. Владимировым, начальником инженерных войск полковником Б. Д. Исуповым приступил к обеспечению маршрутов движения корпусов, организации противовоздушной обороны и комендантской службы на марше, составлению графика прохождения войск по рубежам и подготовке необходимых боевых документов.

Большая ответственность возлагалась на начальника управления бронетанкового снабжения и ремонта полковника С. А. Солового. Он и его подчинённые должны были составить план технического обеспечения армии на марше и принять все меры к тому, чтобы ни один танк не вышел из строя.

Закипела работа в войсках и штабах всех степеней. Командиры и бойцы с большим воодушевлением восприняли известие о выступлении на фронт, скрупулёзно проверяли готовность танков и другой боевой техники к маршу. В частях и подразделениях прошли открытые партийные и комсомольские собрания с участием всего личного состава. На них можно было услышать высказывания о том, что пришла пора рассчитаться с гитлеровцами за все их

злодеяния, беспощадно громить врага и неотступно гнать его со священной советской земли.

Вечером были получены директива Ставки и приказ командующего фронтом на перегруппировку армии. Через час я уже уточнил задачи командирам корпусов и армейских частей. Передовой отряд должен был немедленно выступить в район Проточное, занять там выгодный рубеж и обеспечить выход главных сил армии в назначенный район сосредоточения.

В 1.30 7 июля армия начала форсированный марш двумя эшелонами. В первом эшелоне двинулись 29-й и 18-й танковые корпуса. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус составлял второй эшелон. Штаб армии следовал с главными силами. Такое построение на марше позволяло управлять армией и быстро развернуть наши танковые корпуса для нанесения мощного танкового удара с ходу.

Коротка июльская ночь. Казалось, и вовсе не было ее. Мало кто сумел вздремнуть. С рассветом связался по радио с командирами корпусов. Все в порядке! Колонны их частей идут размеренно и четко. Над колоннами армий в безоблачном небе барражируют наши истребители. Потом И. С. Конев говорил мне, что он и сам с самолёта следил за продвижением наших колонн.

Уже в восемь часов утра становится жарко и пыльно, К полудню густая дорожная пыль поднялась на несколько метров, покрывая толстым серым слоем придорожные кусты, зреющие хлеба, танки и автомашины. Через серую завесу пыли едва просматривается багровый диск солнца.

На пути в деревнях женщины и дети с тревогой и надеждой смотрели вслед уходившим колоннам. В глазах у них слезы и немой вопрос: “Неужели и эти отступят?”.

И каждый наш воин, глядя на людей, исстрадавшихся под игом оккупантов, мысленно отвечал: “Нет, мы не отступим. Не дадим вас в обиду. Прогоним фашистов. Видите, какая у нас могучая сила. Это идёт стальная Советская гвардия!”

Нескончаемым потоком шли танки, самоходно-артиллерийские установки, тягачи с орудиями, бронетранспортёры, автомашины. От пыли и выхлопных газов почернели лица бойцов. Нестерпимо душно. Мучает жажда. Мокрые от пота гимнастёрки липнут к телу.

Тяжелее всех механикам-водителям. Члены экипажей всячески старались облегчить их положение, периодически подменяли у рычагов, давали отдых на коротких остановках. Трудно им, но надо терпеть. Каждый час дорог.

И выдержали танкисты! Утром 8 июля главные силы армии после напряжённого, изнурительного марша вышли в район юго-западнее Старого Оскола. Если считать, что наступивший день был потрачен на подтягивание

тылов и окончательный выход частей в указанные им районы, то и с учётом этого времени армия за двое суток фактически преодолела 230-280 километров. Количество боевых машин, оставших по техническим причинам, исчислялось единицами, но и они после устранения неисправностей скоро возвратились в строй.

Это был первый опыт переброски танковой армии своим ходом на такое большое расстояние по пыльным дорогам, в жару. Он явился серьёзной проверкой уровня подготовки инженерно-технического состава по обеспечению бронетанковой техники на марше.

День прошёл в подготовке к боям. Экипажи и расчёты проверяли и приводили в порядок материальную часть, заправляли машины, чистили личное оружие. Командиры и штабы были заняты сбором сведений о районе предстоящих боевых действий и организовывали противовоздушную оборону. Штаб армии, разместившийся в селе Долгая Поляна, осуществлял контроль за исполнением отданных мною распоряжений.

В первом часу ночи 9 июля был получен боевой приказ - к исходу дня выйти в район Прохоровки в готовности вступить в сражение. Предстоял ещё один, на этот раз 100-километровый марш. Новую задачу армия тоже с честью выполнила. Штаб армии подготовил все необходимые расчёты. Соединения и части, поднятые по тревоге, своевременно прошли рубежи регулирования и, несмотря на высокую запылённость воздуха, жару и усталость, точно в установленный срок заняли район на рубеже Веселый, Прохоровка в готовности к дальнейшим действиям.

10 июля 5-я гвардейская танковая армия вошла в состав Воронежского фронта. Меня срочно вызвали на КП командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина, размещённый в районе Обояни. Здесь же находились представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, координировавший действия Воронежского и Юго-Западного фронтов, и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Семён Павлович Иванов. Они тепло поздоровались со мной, а затем обстоятельно ориентировали меня в сложившейся обстановке на Воронежском фронте.

Уже шестой день войска отражали яростный натиск мощной группировки немецких войск в составе восьми танковых, одной моторизованной и пяти пехотных дивизий группы армий «Юг», возглавляемой уже известным нам по боям под Сталинградом генерал-фельдмаршалом Манштейном.

Противник перешел в общее наступление в шесть часов 5 июля из района севернее Белгорода, нанося главный удар на Обоянь, Курск силами 4-й танковой армии под командованием тоже нашего старого “знакового” генерал-полковника Гота.

Оба эти генерала были в фаворе у Гитлера, и он, по-видимому, не сомневался в их успехе, тем более что войска Манштейна и Гота имели лучшие танковые соединения, в том числе цвет немецких бронетанковых сил - дивизии СС “Адольф Гитлер”, “Райх”, “Мертвая голова” и моторизованную дивизию “Великая Германия”.

Наступлению главной ударной группировки противника содействовала ударом в северо-восточном направлении на Корочу оперативная группа “Кемпф”, в составе которой действовал 3-й танковый корпус с частями усиления.

В ходе ожесточённых боев противнику ценой значительных потерь удалось продвинуться на обоянском направлении до 35 и корочанском — до 10 километров.

Командующий фронтом пригласил меня поближе к карте и, указывая карандашом на район Прохоровки, сказал:

- Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, гитлеровцы, очевидно, решили перенести направление главного удара несколько восточнее, вдоль железной дороги на Прохоровку, Сюда стягиваются войска второго танкового корпуса СС, которые должны будут наступать на прохоровском направлении во взаимодействии с сорок восьмым танковым корпусом и танковыми соединениями группы “Кемпф”. - Н. Ф. Ватутин взглянул на А. М. Василевского и потом, обращаясь ко мне, продолжал: - Так вот, Павел Алексеевич, мы решили противопоставить эсэсовским танковым дивизиям нашу танковую гвардию - нанести контрудар противнику пятой гвардейской танковой армией, усиленной еще двумя танковыми корпусами.

- Кстати, танковые дивизии немцев имеют новые тяжёлые танки “тигр” и самоходные орудия “фердинанд”. От них очень пострадала первая танковая армия Катюкова. Знаете ли вы что-либо об этой технике и как думаете вести борьбу с ней? - спросил А. М. Василевский.

- Знаем, товарищ маршал. Их тактико-технические данные мы получили из штаба Степного фронта. Думали и над способами борьбы.

- Интересно! - заметил Н. Ф. Ватутин и кивнул мне: мол, продолжайте.

- Дело в том, что “тигры” и “фердинанды” имеют не только сильную лобовую броню, но мощную восьмидесятивосьмимиллиметровую пушку с большой дальностью прямого выстрела. В этом их преимущество перед нашими танками, вооружёнными семидесятишестимиллиметровой пушкой. Успешная борьба с ними возможна лишь в условиях ближнего боя, с

использованием более высокой манёвренности танков Т-34 и ведения огня по бортовой броне тяжёлых машин немцев.

— Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — сказал командующий фронтом и снова вернулся к разговору о предстоящем контрударе, в котором должны были принять участие также 1-я танковая, 6, 7 и 5-я гвардейские общевойсковые армии.

5-я гвардейская танковая армия усиливалась 2-м гвардейским Тацинским и 2-м танковыми корпусами, 1529-м самоходно-артиллерийским, 1522-м и 1148-м гаубичными, 148-м и 93-м пушечными артиллерийскими полками, 16-м и 80-м полками гвардейских миномётов. В целом в нашей армии с приданными танковыми соединениями насчитывалось около 850 танков и САУ.

Н. Ф. Ватутин выразил опасение, что немецкие танки могут прорваться к Обояни, и был приятно удивлён, когда я по своей инициативе предложил прикрыть его КП частью сил своего резерва. Тут же я связался с К. Г. Труфановым по радию, установленной в моей машине, и отдал соответствующее приказание. Через два часа передовой отряд частью сил занял оборону по большому ручью впереди КП командующего фронтом и установил связь с 6-й гвардейской армией генерала И. М. Чистякова.

Во второй половине дня я вернулся на свой командный пункт с боевым приказом. Армии надлежало с утра 12 июля перейти в решительное наступление совместно с 1-й танковой, 5-й гвардейской общевойсковой армиями, уничтожить противника юго-западнее Прохоровки и к исходу дня выйти на рубеж Красная Дубрава, Яковлево.

Не теряя времени, я провёл с командирами корпусов рекогносцировку района действий и поставил корпусам боевые задачи. Район развёртывания главных сил армии был избран несколько западнее и юго-западнее Прохоровки, на фронте до 15 километров. Учитывая, что предстояло вступить в сражение с очень сильной танковой группировкой противника, имевшей, по полученным сведениям, на прохоровском направлении около 700 танков и САУ, в том числе более 100 “тигров” и “фердинандов”, решено было развернуть в первом эшелоне сразу все четыре танковых корпуса (18-й, 29-й, 2-й гвардейский Тацинский и 2-й). Второй эшелон составил 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерве оставались части передового отряда и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Командование резервом возлагалось на моего заместителя генерала К. Г. Труфанова.

Около девятнадцати часов 11 июля на мой КП прибыл маршал А. М. Василевский. Я доложил ему о боевом построении армии и задачах, поставленных корпусам и приданной артиллерии. Он одобрил моё решение и

сообщил, что у него состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь. Командующему фронтом Н. Ф. Ватутину И. В. Сталин приказал оставаться на своём КП в Обояни. На корочанское направление выехал начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов.

Оставалось еще достаточно светлого времени, и маршал предложил осмотреть намеченные мною исходные районы 29-го и 18-го танковых корпусов.

Наш путь проходил через Прохоровку на Беленихино.

Юркий “виллис”, подпрыгивая на ухабах, обгонял продвигавшиеся к фронту автомашины с боеприпасами и горючим. Навстречу медленно шли транспорты с ранеными. Кое-где на обочинах дороги стояли повреждённые грузовики и разбитые повозки.

Дорога протянулась через обширные поля пожелтевшей пшеницы. За ними начинался лес, примыкавший к селу Сторожевое.

- Там, на северной опушке леса, исходные позиции двадцать девятого танкового корпуса. Правее будет наступать восемнадцатый танковый корпус, - пояснял я А. М. Василевскому.

Он пристально всматривался в даль и прислушивался к все нарастающему гулу боя. По клубам дыма, разрывам авиабомб и снарядов угадывалась линия фронта наших общевойсковых армий. Справа, километрах в двух, показались хозяйственные постройки совхоза “Комсомолец”.

Вдруг Василевский приказал водителю остановиться. Машина свернула на обочину и резко затормозила у запылённых придорожных кустов. Мы открыли дверцы, отошли на несколько шагов в сторону. Явно слышался рокот танковых моторов. Потом показались и сами танки.

- Генерал! В чем дело? - резко повернувшись ко мне, с досадой в голосе спросил Александр Михайлович. - Вас же предупреждали, что о прибытии ваших танков противник не должен знать. А они гуляют среди бела дня на глазах у немцев...

Я мгновенно вскинул бинокль. Действительно, через поле, подминая созревшие хлеба, в боевом порядке шли десятки танков, на ходу стреляя из короткоствольных пушек.

- Но это, товарищ маршал, не наши танки. Немецкие...

- Так... Где-то противник прорвался. Хочет упредить нас и захватить Прохоровку.

- Этого допустить нельзя, - сказал я А. М. Василевскому и по радио дал указание генералу Кириченко немедленно выдвинуть две танковые бригады навстречу немецким танкам и остановить их продвижение.

Вернувшись на мой КП, мы узнали, что немцы предприняли активные действия почти против всех наших армий.

Так обстановка неожиданно осложнилась. Ранее намеченный нами исходный район для контрудара оказался в руках гитлеровцев. В связи с этим подготовку к наступлению, и в частности выбор огневых позиций артиллерии, рубежей развёртывания и атаки, следовало проводить заново. В сжатые сроки требовалось уточнить задачи, организовать взаимодействие между корпусами и частями, пересмотреть график артиллерийской подготовки и сделать все для чёткого управления войсками в бою.

Задача по срокам крайне сложная. Но с ней все органы штаба армии, командиры и штабы корпусов, бригад и частей справились буквально в считанные часы. В боевой приказ были внесены необходимые коррективы. 18-му танковому корпусу генерал-майора танковых войск Б. С. Бахарова надлежало наступать на правом фланге. Кроме ранее приданной артиллерии он усиливался еще полком 57-мм противотанковых пушек 10-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. На корпус возлагалась задача, наступая вдоль реки Псел, атаковать противника, занимавшего позиции на рубеже Андреевна, роща северо-западнее совхоза "Комсомолец". В центре наносил удар 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск И. Ф. Кириченко. Этому соединению с приданным 1529-м самоходно-артиллерийским полком предстояло разгромить вражескую танковую группировку, действовавшую западнее железной дороги на Прохоровку. На левом фланге с рубежа Ясная Поляна, Беленихино должен был наступать 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, которым командовал гвардии полковник А. С. Бурдейный. Во 2-м танковом корпусе генерал-майора танковых войск А. Ф. Попова осталось мало танков, поэтому ему было приказано вместе с 10-й истребительно-противотанковой бригадой поддерживать своим огнем главные силы армии и прикрывать фланги 29-го и 2-го гвардейского Тацинского танковых корпусов. 5-му гвардейскому Зимовниковскому механизированному корпусу генерал-майора танковых войск Б. М. Скворцова, наступавшему во втором эшелоне, следовало быть в готовности развить успех 29-го танкового корпуса. Моему резерву, возглавляемому генерал-майором К. Г. Труфановым, ставилась задача сосредоточиться в районе Правороть и прочно обеспечить левый фланг армии.

В ночь на 12 июля в частях и подразделениях армии, как и перед маршем, прошли партийные и комсомольские собрания, которые

продемонстрировали высокий боевой дух гвардейцев-танкистов, всех наших воинов, их непоколебимую решимость во что бы то ни стало выполнить поставленные задачи. Многие воины просили перед боем принять их в ряды ВКП(б).

В последние часы перед сражением командиры и политорганы стремились довести до каждого боевой приказ, зачитывали в подразделениях обращение Военного совета армии к личному составу. На совещаниях с командным составом вплоть до командиров танков еще раз обсуждались и детализировались приёмы и способы ведения боя, напоминались уязвимые места боевой техники противника.

В полевом управлении армии не умолкая звонили телефоны. Приезжали с донесениями офицеры связи и, получив необходимые распоряжения, уезжали в войска. Начальник штаба армии генерал В. Н. Баскаков, с утомлённым, осунувшимся лицом и воспалёнными от недосыпания глазами, то и дело появлялся передо мной, докладывая последние данные об обстановке. Я тут же анализировал их, делал необходимые поправки на своей оперативной карте и отдавал дополнительные распоряжения.

Уже было подписано и отправлено боевое донесение о том, что армия заняла исходное положение для контрудара и готова к выполнению поставленной задачи. Но в четыре часа утра последовало приказание командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина срочно направить мой резерв в полосу действий 69-й армии. Оказалось, что противник вводом в сражение главных сил 3-го танкового корпуса оперативной группы "Кемпф" отбросил части 81-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий и овладел населёнными пунктами Ржавец, Рындинка, Выползовка. В случае дальнейшего продвижения подвижных частей врага на север создавалась не только угроза левому флангу и тылу 5-й гвардейской танковой армии, но и нарушалась устойчивость всех войск левого крыла Воронежского фронта.

Связался по радио с генералом К. Г. Труфановым и приказал немедленно форсированным маршем двинуть подчинённые ему части в район прорыва противника на участке 69-й армии и совместно с ее войсками остановить танки врага, не допуская их продвижения в северном направлении.

В шесть часов утра 12 июля я с группой офицеров приехал на командный пункт 29-го танкового корпуса. Он был избран моим наблюдательным пунктом, и весьма удачно. С холма юго-западнее Прохоровки хорошо просматривалась впереди лежащая местность, которой

суждено было стать полем грандиозного танкового побоища. Из прочно построенного блиндажа в сожжённом и вырубленном наполовину яблонево́м саду открывался широкий обзор всхолмлённой равнины с перелесками и оврагами. За пожелтевшей, позолоченной первыми лучами солнца тучной нивой виднелась тёмная опушка большого лесного массива. Там укрывался враг.

Генерал И. Ф. Кириченко доложил, что ночь прошла относительно спокойно. Гитлеровцы вели редкий артиллерийский огонь и пускали осветительные ракеты. Но разведчики слышали в ночной темноте рокот многочисленных моторов. Видимо, противник выводил на исходные позиции свои танковые и моторизованные части.

А пока стояла тишина, нарушаемая лишь разноголосым говором телефонистов и радистов, разместившихся в окопах вокруг блиндажа и по соседству, в овраге, где стояли замаскированные мотоциклы и бронемашины связи. Но по всем признакам чувствовалось, что недалёк тот час, когда эту тишину с адским грохотом разверзнут сотни орудий, тысячи бомб и под Прохоровкой закипит, забушует огнем и металлом жестокая танковая битва.

В 6.30 в небе появились “мессеры”, чтобы очистить воздушное пространство. А это означало, что скоро последует бомбовый удар вражеской авиации.

Примерно в семь часов послышался монотонный гул немецких самолетов. И вот в безоблачном небе обозначились десятки “юнкерсов”. Выбрав цели, они перестраивались и, блеснув на солнце стёклами кабин, тяжело кренились на крыло, переходя в пики. Фашистская авиация наносила удары в основном по населённым пунктам и отдельным рощам. Над лесом и деревнями вздымались фонтаны земли, облака дыма, прорезаемые багровыми языками вспышек. В различных местах загорелись хлеба.

Вражеские самолёты еще не успели отбомбиться, как появились звенья советских истребителей. В воздухе завязались жаркие схватки. Один за другим запылали самолёты и, оставляя за собой густые шлейфы чёрного дыма, охваченные пламенем врезались в землю. Большинство “юнкерсов”, преследуемые нашими истребителями, поворачивали назад, где попало сбрасывая свой бомбовый груз или уходя, не отбомбившись.

А вот в воздухе и наши бомбардировщики! Они шли на юго-запад волна за волной, соблюдая чёткое равнение. Их сопровождали истребители, всей своей решительностью показывая, что они хозяева неба. Контрудар поддерживала 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского, которая, кстати говоря, настолько надёжно прикрывала 5-ю гвардейскую танковую армию на марше, что немцы так и не узнали о ее появлении под Прохоровкой.

Наконец грянули первые залпы армейской артиллерийской группы. Ударили артиллерийские батареи непосредственной поддержки танков. Артиллерия вела огонь в основном по площадям - предполагаемым районам скопления танков врага и огневым позициям его артиллерии. У нас не было времени для того, чтобы точно установить, где расположены вражеские батареи и сосредоточены танки, поэтому определить эффективность артиллерийского огня не представлялось возможным.

Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздались залпы полков гвардейских миномётов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. “Сталь”, “Сталь”, “Сталь”, - передавал в эфир начальник радиостанции младший техник-лейтенант В. Константинов. Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперёд наши славные тридцатьчетвёрки. И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его “тигры” и “пантеры”, лишённые в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем, что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с

грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказанием командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемым открытым текстом: “Вперёд!”, “Орлов, заходи с фланга!”, “Шнеллер!”, “Ткаченко, прорывайся в тыл!”, “Форвертс!”, “Действуй, как я!”, “Шнеллер!”, “Вперёд!”, “Форвертс!”. Доносились и злые, ядрёные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. Тридцатьчетвёрки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали “тигров” и “пантер”, но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжёлых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни.

Наиболее тяжёлый, крайне ожесточённый бой вел 29-й танковый корпус генерала И. Ф. Кириченко, наступавший вдоль железной и шоссейной дорог. Враг бросил против него основные силы танковых дивизий СС “Адольф Гитлер” и “Мертвая голова”, упрямо предпринимая одну за другой настойчивые попытки прорваться к Прохоровке. Однако войска корпуса дрались с исключительным упорством и не уступали достигнутых рубежей.

Отлично действовала в центре боевого порядка одна из лучших бригад - 32-я танковая - под командованием полковника А. А. Линева. Справа от железной дороги сражались батальоны 31-й танковой бригады полковника С.Ф. Моисеева. Кстати, в этом соединении действовали танки колонны “Москва”, построенные на средства, собранные трудящимися Краснопресненского района столицы.

Во втором эшелоне наступали подразделения 25-й танковой бригады, возглавляемой полковником Н. К. Володиным. Танкистов успешно поддерживал 1446-й самоходно-артиллерийский полк, которым командовал гвардии капитан М. С. Лунев.

Упорно продвигался вперёд 18-й танковый корпус. Командир корпуса генерал Б. С. Бахаров, детально изучив особенности местности, построил боевой порядок в три эшелона. Прижимаясь правым флангом к восточному берегу реки Псел, корпус наращивал силу удара, закрепляясь на выгодных

рубежах. В первом эшелоне атаковали 181-я и 170-я танковые бригады, которыми командовали подполковники В. А. Пузырев и А. И. Казаков. Я слышал их голоса, чёткие и краткие распоряжения. Вторым эшелон в боевом порядке действовали подразделения 32-й гвардейской мотострелковой бригады подполковника И. А. Стукова и 36-й отдельный гвардейский танковый полк. Третий эшелон составляла 110-я танковая бригада гвардии полковника И. М. Колесникова.

А положение на левом фланге армии по-прежнему оставалось тревожным. Около 70 вражеских танков, овладев Ржавцом и Рындиной, теснили 92-ю гвардейскую стрелковую дивизию 69-й армии и развивали удар на север. Генерал Труфанов доложил мне по радио, что его отряд уже сосредоточился в Больших Подъяругах. Но этих сил было недостаточно. По распоряжению А. М. Василевского я приказал командиру 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса генералу Б. М. Скворцову направить 11-ю и 12-ю гвардейские механизированные бригады из района Красное для совместных действий с Труфановым. Одновременно командир 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса полковник А. С. Бурдейный получил указание развернуть 26-ю гвардейскую танковую бригаду полковника С. К. Нестерова в районе населённого пункта Плота фронтом на юг и прикрыть левый фланг армии.

Вскоре командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин приказал объединить части резерва 5-й гвардейской танковой армии, 11-ю и 12-ю гвардейские мехбригады, 26-ю гвардейскую танковую бригаду в группу под командованием генерала К. Г. Труфанова, которая совместно с 81-й и 92-й гвардейскими стрелковыми дивизиями 69-й армии должна окружить и уничтожить противника в районе Рындины, Ржавец и к исходу дня выйти на рубеж Шахово, Щелоково.

В исключительно упорном бою эта группа вместе со стрелковыми частями и 96-й танковой бригадой 69-й армии нанесла поражение 6-й немецкой танковой дивизии и отбросила ее в исходное положение. В схватке с врагом особенно отличились артиллеристы 689-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майора И. С. Гужвы и 53-й отдельный гвардейский танковый полк гвардии майора Н. А. Курносова.

В середине дня четко обозначился успех на главном направлении. Первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии настойчиво теснил противника, нанося ему большие потери в живой силе и боевой технике. Мы выиграли территорию не так уж значительную, но сделали главное - во встречном сражении остановили и смяли ударную группировку врага, наступавшую вдоль железной дороги на Прохоровку. Острие танкового клина противника, надломленное в районе Обоянского шоссе, было

сломлено. 18-му танковому корпусу удалось выйти на рубеж в двух километрах восточнее деревни Андреевка. 29-й танковый корпус, совместно с подразделениями 53-й мотострелковой бригады подполковника Н. П. Липичева, сломив сопротивление частей танковых дивизий СС “Мертвая голова” и “Адольф Гитлер”, достиг совхоза “Комсомолец”. Бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса гвардии полковника А. С. Бурдейного, отбрасывая части дивизии СС “Райх”, энергично наступали в направлении Виноградовки и Беленихино. 2-й танковый корпус генерал-майора А. Ф. Попова активными действиями обеспечивал стык между 29-м и 2-м гвардейским Тацинским танковыми корпусами, имея в дальнейшем задачу развить их успех.

Однако в это время тяжёлое положение сложилось на правом фланге армии. Не добившись успеха в центре, на прохоровском направлении, противник силами 11-й танковой дивизии 48-го танкового корпуса обошёл наш 18-й танковый корпус и нанёс удар по 33-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала М. И. Козлова 5-й гвардейской армии. К 13 часам вражеским танкам удалось прорвать боевые порядки 95-й и 42-й гвардейских стрелковых дивизий на участке Красный Октябрь, Кочетовка и продвинуться в северо-восточном и восточном направлениях до рубежа Весёлый, Полежаев. Следовало немедленно ликвидировать угрозу правому флангу и тылу армии, а также выручать своего соседа - 5-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта А. С. Жадова. Это объединение совершенно не имело своих танков и не располагало достаточными средствами артиллерийского усиления. Кроме того, оно вступило в сражение, по существу, с ходу, развёртывая главные силы под воздействием наступавшего противника.

Поскольку мой резерв был уже задействован и ушёл на юг, мне пришлось для помощи А. С. Жадову выделять силы из главной группировки. Было приказано направить 24-ю гвардейскую танковую бригаду гвардии полковника В. П. Карпова в район совхоза имени К. Е. Ворошилова, где во взаимодействии с правофланговыми частями 18-го танкового корпуса и пехотой 5-й гвардейской армии разгромить противника у Полежаева. Одновременно 10-я гвардейская механизированная бригада под командованием полковника И. Б. Михайлова спешно выдвигалась к району Остренький (9 километров северо-восточнее Прохоровки) с задачей не допустить продвижения врага в северо-восточном направлении. Стремительный маневр этих бригад в указанные им районы и решительный их встречный удар по прорвавшимся танкам гитлеровцев стабилизировал положение на смежных флангах 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Противник вынужден был здесь отступить, а затем переходить к обороне.

Хочется подчеркнуть, что на всех участках развернувшегося 12 июля грандиозного сражения воины 5-й гвардейской танковой армии проявили изумительное мужество, непоколебимую стойкость, высокое боевое мастерство и массовый героизм, вплоть до самопожертвования.

На 2-й батальон 181-й бригады 18-го танкового корпуса обрушилась большая группа фашистских “тигров”. Командир батальона капитан П. А. Скрипкин смело принял удар врага. Он лично одну за другой подбил две вражеские машины. Поймав в перекрестие прицела третий танк, офицер нажал на спуск... Но в то же мгновение его боевую машину сильно потрянуло, башня наполнилась дымом, танк загорелся. Механик-водитель старшина А. Николаев и радист А. Зырянов, спасая тяжелораненого комбата, вытащили его из танка и тут увидели, что прямо на них движется “тигр”. Зырянов укрыл капитана в воронке от снаряда, а Николаев и заряжающий Чернов вскочили в свой пылающий танк и пошли на таран, с ходу врезавшись в стальную фашистскую громадину. Они погибли, до конца выполнив свой долг.

Отважно сражались танкисты 29-го танкового корпуса. Батальон 25-й бригады, возглавляемый коммунистом майором Г.А. Мясниковым, уничтожил 3 “тигра”, 8 средних танков, 6 самоходных орудий, 15 противотанковых пушек и более 300 фашистских автоматчиков.

Примером для воинов служили решительные действия комбата, командиров рот старших лейтенантов А. Е. Пальчикова и Н. А. Мищенко. В тяжелом бою за село Сторожевое машина, в которой находился А. Е. Пальчиков, была подбита - разрывом снаряда сорвало гусеницу. Члены экипажа выскочили из машины, пытаясь устранить повреждение, но сразу же из кустов их обстреляли вражеские автоматчики. Воины заняли оборону и отбили несколько атак гитлеровцев. В этом неравном бою пал смертью героя Алексей Егорович Пальчиков, получили тяжёлые ранения его товарищи. Лишь механик-водитель кандидат в члены ВКП(б) старшина И. Е. Сафронов, хотя тоже был ранен, мог еще вести огонь. Укрываясь под танком, преодолевая боль, он отбивался от наседавших фашистов, пока не подоспела помощь.

Сафронову удалось быстро исправить повреждения, а затем вывести машину с телом командира и ранеными танкистами в укрытие.

По-моему, в этот день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов, которые бы не проявили отваги и боевой доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями.

Командир 1-й батареи 1000-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка лейтенант И. Ф. Юдин подобрался непосредственно к

переднему краю обороны противника и из подбитого немецкого танка корректировал огонь своих орудий. Когда этот мужественный офицер погиб, его место занял командир взвода лейтенант М. К. Бородин, Получив ранение, он сделал себе перевязку и до конца управлял батареей, которая нанесла значительный урон противнику.

Комсомолец-связист старший сержант А. И. Егоров, награждённый медалью “За отвагу”, под сильным артиллерийским огнем семь раз восстанавливал телефонную связь между огневыми позициями, командным и наблюдательными пунктами 16-го гвардейского миномётного полка гвардии подполковника Я. Т. Петраковского.

Раненые не уходили с поля боя, танкисты, потерявшие свои боевые машины, дрались в пешем строю, расчёты противотанковых пушек бились до последнего человека...

На исходе дня 12 июля противник вводом в бой вторых эшелонов и резервов усилил сопротивление, особенно на прохоровском направлении. Одно за другим начали поступать донесения командиров корпусов о мощных контратаках свежих танковых частей врага. В условиях, когда гитлеровцы добились явного превосходства в танках, наступать было нецелесообразно. Оценив обстановку, я с разрешения представителя Ставки А. М. Василевского приказал всем корпусам закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерийские противотанковые полки и отбивать атаки противника огнем танков и артиллерии. За ночь танковые корпуса должны были дозаправить машины горючим, пополнить боеприпасы, накормить людей и с утра быть в готовности возобновить наступление. Предстояло также оказать помощь раненым, собрать и похоронить убитых, отбуксировать в тыл подбитые танки и приступить к их ремонту.

* * *

Наступила ночь, тревожная и душная. Боевые действия прекратились на всем фронте. Я вышел из блиндажа поразмяться, стряхнуть усталость. Пахло гарью и пороховым дымом. В безбрежном космическом океане мерцали далёкие звезды. Луна бросала холодный, тусклый свет на изуродованную сражением землю. На западе и юго-западе трепетало зарево пожаров. Горели нескошенные нивы, леса, деревни.

Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать. Изредка в районах расположения наших корпусов ухали тяжёлые снаряды, вспыхивали и медленно гасли осветительные ракеты.

Вблизи блиндажа прослушивались различные шумы, осторожные приглушенные голоса, позвякивание металла, урчание автомобильных моторов. Это занимались своим делом ночные труженики войны: саперы пробирались к передовой, чтобы заминировать танкоопасные направления, медики эвакуировали раненых, снабженцы подвозили боеприпасы, продовольствие, горючее и смазочные материалы.

В раздумье я прохаживался по испаханной гусеницами танков высотке, мысленно перебирая события минувшего дня и стараясь предугадать, что нас ожидает утром. Ясно было, что гитлеровцы готовятся к новому натиску. Появление в районе Прохоровки мощной советской танковой группировки и ее решительные действия явились для фашистского командования полной неожиданностью. Не предполагали немцы и того, что наши боевые машины способны противостоять их новым танкам и штурмовым орудиям. Из этого, конечно, противник сделает соответствующие выводы, постарается перестроить свои боевые порядки и изменить тактические приёмы. Он еще располагает крупными резервами, которые начал вводить в сражение только к вечеру. Ошеломить нас сокрушительным танковым ударом, захватить инициативу, навязать нам свою волю - такими, примерно, представлял я предстоящие действия врага.

Между тем близился рассвет. Надо было немного отдохнуть. Спал не раздеваясь часа два. Разбудили сотрясающие землю разрывы тяжёлых авиабомб. Налёт немецкой авиации. Значит, минут через 20-30 надо ожидать наступления противника. Связываюсь с командирами корпусов. Все они на местах и докладывают о готовности войск к бою. Рекомендую всем активнее использовать противотанковую артиллерию, особенно на флангах.

В это время в небе появились наши истребители. Они стремительно ворвались в боевой порядок “юнкеров” и начали расстреливать их. Вражеские самолёты, не завершив прицельную бомбёжку, поворачивали на запад, сбрасывая бомбы уже на территорию, занятую немецкими войсками. Три “юнкера” с воем ухнули вниз, оставляя за собой полосы серо-чёрного дыма.

Не успели скрыться вдали “ястребки”, как прошла волна наших штурмовиков и бомбардировщиков, обрушивая свой смертоносный груз на скопления вражеских танков и мотопехоты.

Думая о событиях тех дней, с благодарностью вспоминаю о помощи авиаторов нам, танкистам. Летчики 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского не только прикрывали нас от ударов фашистской авиации, но и вели успешную борьбу с танками противника, применяя противотанковые бомбы кумулятивного действия. Штурмовые самолёты, имевшие в бомбоотсеке до 200 таких бомб, создавали большую зону поражения и

наносили значительный урон врагу. Вообще надо сказать, что в Курской битве наша авиация заметно господствовала в воздухе.

...В то утро, когда я уже находился на КП 29-го танкового корпуса, после короткого артиллерийского налета гитлеровцы первыми атаковали 18-й танковый корпус. Более 50 танков противника, за которыми следовали цепи мотопехоты, стреляя на ходу или с коротких остановок, двинулись на наши позиции. Но войска корпуса сумели за ночь подготовиться к встрече врага. Подпустив фашистов на дистанцию 500-600 метров, противотанковая артиллерия и наши танки открыли по ним огонь прямой наводкой. Несколько вражеских машин застыли на месте с перебитыми гусеницами или заметались по полю объятые пламенем. Те же, которые еще продвигались вперед, нарвались на мины. Однако фашистская мотопехота еще шла. Но тут последовал залп 80-го гвардейского миномётного полка подполковника А. И. Семченко. Огонь наших “катюш” всегда приводил фашистов в ужас. Понеся большие потери, противник вынужден был откатываться назад, оставляя горящие танки, трупы убитых солдат и офицеров.

Прикрывшись частью сил справа в связи с отходом левого фланга 5-й гвардейской общевойсковой армии, 18-й танковый корпус главными силами развил наступление на Андреевку и после короткого боя ворвался в это село. Его 181-я танковая бригада подполковника В. А. Пузырева внезапно атаковала колонну вражеских танков, продвигавшуюся к Михайловке, и, преследуя отходившего противника, овладела Васильевкой.

Части 29-го танкового корпуса вели упорные бои в районе совхоза “Комсомолец” с танковой дивизией СС “Мертвая голова”. После ввода в сражение второго эшелона эта дивизия начала теснить 53-ю мотострелковую бригаду. Только большими усилиями удалось остановить врага в одном километре юго-восточнее совхозного посёлка “Сталинское отделение”.

2-й гвардейский Тацинский танковый корпус без одной бригады (она была переброшена в полосу 69-й армии) после перегруппировки перешел в наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника, к двенадцати часам силами 25-й гвардейской танковой и 4-й гвардейской мотострелковой бригад достиг западного берега реки Лога. Но действовавшая в стыке между 2-м и 2-м гвардейским Тацинским танковыми корпусами танковая дивизия СС “Райх” предприняла мощные фланговые атаки в направлении Сторожевое и к пятнадцати часам захватила это село, а также северную окраину деревни Виноградовка. В результате создалась непосредственная угроза выхода противника на тылы сразу двух наших танковых корпусов. Ликвидировать нависшую угрозу должны были они сами.

Ожесточённые бои в этом районе продолжались до позднего вечера, причём в одном месте наши танкисты и мотострелки контратаковали врага, в другом - отбивали его контратаки. Только с наступлением темноты обе стороны, измотанные напряжённым боем, перешли к обороне.

Успешно вели бои войска 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса. С рассветом они выдвинулись в район Александровна, Большие Подъяруги, где сражался сводный отряд генерала К. Г. Труфанова из частей моего резерва и 69-й армии. 11-я гвардейская механизированная бригада полковника Н. В. Грищенко, достигнув села Покровка, с ходу развернулась и устремилась в атаку на Рындику. Танкисты 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса атаковали гитлеровцев в Щелоково. В это время полковник Г. Я. Борисенко искусным маневром вывел свою 12-ю гвардейскую механизированную бригаду во фланг и в тыл противника, скованного боем с 11-й гвардейской механизированной и 26-й гвардейской танковыми бригадами. Решительными действиями бригада овладела населёнными пунктами Краснов Знамя, Рындики, Выползовка.

Во второй половине дня воины 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса во взаимодействии с 92-й гвардейской стрелковой дивизией 69-й армии и при активной поддержке артиллерии и авиации отбросили врага в южном направлении и закрепились на рубеже Щелоково, Рындики, балка юго-восточнее Выползовки, прочно обеспечив смежные фланги 7-й гвардейской и 69-й армий. В ходе боев потерпела поражение 19-я танковая дивизия 3-го немецкого танкового корпуса, а ее 73-й и 74-й моторизованные полки были полностью разгромлены.

Вернувшись на свой командный пункт, я неожиданно встретил здесь заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. С ним находился и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрущёв. Маршал был почему-то мрачным. Он молча выслушал мой доклад о сложившейся обстановке в полосе действий 5-й гвардейской танковой армии и приказал ехать с ним в 29-й танковый корпус.

- Слушаюсь! - коротко ответил я маршалу и предложил ему садиться в мою машину.

- Почему? - недоуменно спросил он.

- Я только что от генерала Кириченко. На местности много неразорвавшихся снарядов и мин. Мой шофёр знает полевую дорогу и поедет по своим следам.

Георгий Константинович направился к моему "виллису", и, как только он сел, машину мигом облепила охрана.

- Так мы не доедем, рессоры лопнут, - усмехнулся я.

Жуков жестом руки удалил охрану, оставив в машине лишь адъютантов, своего и моего - Василия Земскова. За нами тронулась машина Н. С. Хрущёва с офицерами охраны.

По дороге маршал несколько раз останавливал машину и пристально осматривал места прошедшего танкового сражения. Взору представилась чудовищная картина. Всюду искореженные или сожжённые танки, раздавленные орудия, бронетранспортёры и автомашины, груды снарядных гильз, куски гусениц. На почерневшей земле ни единой зелёной былинки. Кое-где поля, кусты, перелески еще дымились, не успев остыть после обширных пожаров.

Георгий Константинович подолгу задерживал взгляд на изуродованных таранами танках и глубоких воронках.

- Вот что значит сквозная танковая атака, - тихо, как бы сам себе, сказал Жуков, глядя на разбитую “пантеру” и врезавшийся в неё наш танк Т-70. Здесь же, на удалении двух десятков метров, вздыбились и будто намертво схватились “тигр” и тридцатьчетвёрка.

Маршал покачал головой, удивлённый увиденным, и даже снял фуражку, видно отдавая дань глубокого уважения нашим погибшим героям-танкистам, которые жертвовали своей жизнью ради того, чтобы остановить и уничтожить врага.

До КП генерала И. Ф. Кириченко доехали благополучно. В пути я доложил Г. К. Жукову, что основную тяжесть удара противника в сражении 12 июля выдержал 29-й танковый корпус и частично соединения 18-го танкового корпуса. Поэтому после доклада комкора маршал поблагодарил Ивана Фёдоровича и в его лице весь личный состав корпуса за проявленное мужество в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, приказал генералу представить наиболее отличившихся к правительственным наградам. Затем он в течение часа с НП комкора наблюдал за боем. К тому времени стороны, исчерпав свои наступательные возможности, вели лишь огневой бой. Изредка рвались снаряды, посвистывали пули, вдали, в расположении противника, наблюдалось передвижение танков, бронетранспортёров и автомашин.

Вернувшись на мой КП, Г. К. Жуков дал ряд указаний и сообщил, что он назначен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Воронежском и Степном фронтах. А. М. Василевскому Ставка поручала координировать боевые действия Юго-Западного и Южного фронтов.

...На исходе был второй день грандиозного танкового сражения, в котором одновременно участвовало до 1200 танков и самоходных орудий. Гитлеровцы превосходили нас по количеству боевых машин, особенно

тяжёлых. Но бронированная фашистская армада натолкнулась на величайший героизм советских воинов и со скрежетом «забуксовала», обливаясь кровью своих солдат и офицеров, задыхаясь в огне и дыму. Урон врагу был нанесён огромный. Только за 12 июля в боях с 5-й гвардейской танковой армией противник лишился свыше 350 танков и потерял более 10 тысяч человек убитыми. Но даже ценой таких жертв фашисты не добились поставленной цели: их сила натолкнулась на нашу несокрушимую мощь.

Мы тоже потеряли немало танков, особенно лёгких, погибли в яростных схватках многие отважные гвардейцы. Однако поставленную перед нами задачу выполнили: решительным контрударом на главном направлении остановили грозного противника и локализовали его действия на флангах с 5-й гвардейской и 69-й армиями.

В донесении А. М. Василевского И. В. Сталину обстоятельно излагалась боевая обстановка в районе Прохоровки, и поэтому я позволю себе привести его содержание: «Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.VII серьёзную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Весёлый, Васильевка, Петровка 12.VI 1.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус - 30% танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. На завтра угроза прорыва танков противника с юга и район Шахово, Авдеевка,

Александровская продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача - разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз "Комсомолец", выйти на линию Грязное - Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия "Райх" - до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта.

2 ч. 47 м. 14.VII.43. Из 5-й гвардейской танковой армии".

* * *

14 и 15 июля бои продолжались с наибольшей активностью на флангах армии, где гитлеровцы еще пытались прорваться в наш армейский тыл. На левом фланге соединения 3-го немецкого танкового корпуса во взаимодействии с танковой дивизией СС "Райх" перешли в наступление вдоль Северского Донца, нанося удар по боевым порядкам 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Противнику удалось несколько потеснить наши части. Но гвардейцы, пропустив вражеские танки в глубину обороны, смело вступили с ними в бой, отрезая врагу пути отхода. Здесь снова отличились артиллеристы 689-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майора И. С. Гужвы. С дистанции 150-200 метров они расстреливали "тигры", а лишь немногим из них удалось вырваться из огневого мешка. Совместными усилиями частей 5-й гвардейской танковой и 69-й армий гитлеровцы были остановлены, а затем отброшены на 5-6 километров.

Успешно наступали на правом фланге армии 24-я танковая и 10-я механизированная гвардейские бригады 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса, взаимодействуя с 18-м танковым корпусом и частями 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова. В ходе боев в районе совхоза имени К. Е. Ворошилова они нанесли поражение 11-й танковой

дивизии 48-го немецкого танкового корпуса, а затем выбили танковую дивизию СС «Мертвая голова» из Полежаева.

Героически сражалась танковая рота старшего лейтенанта М. Д. Калинина из второго батальона 24-й гвардейской танковой бригады. В течение дня воины роты трижды водили свои боевые машины в атаку, подбили 19 вражеских танков, в том числе 2 «тигра», разбили и раздавили 20 противотанковых орудий, несколько бронемашин и истребили до 400 солдат и офицеров противника. Храбрейшим из храбрых был экипаж гвардии младшего лейтенанта Л. М. Татарина, уничтоживший 4 вражеских танка и 4 бронемашину с пехотой.

Гитлеровцы возобновили атаки против 18-го и 29-го корпусов, как только они по моему приказу перешли к жёсткой обороне. Противник вынужден был изменить тактику. Он уже не шёл сразу на пролом нашей обороны крупными силами в плотных боевых порядках, а первоначально выдвигал небольшие разведгруппы из 3-5, обычно тяжёлых, танков с мотопехотой. Они стремились вызвать на себя огонь наших противотанковых средств и раскрыть систему обороны. Затем следовала артиллерийская и миномётная обработка переднего края, а уж после начинались массированные атаки танковых частей на широком фронте. Но все они были отражены огнем истребительно-противотанковых батарей и танками, окопанными в земле, при активной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации.

К вечеру 15 июля на всем фронте нашей армии наступило затишье. Противник прекратил атаки и даже не вел по нашему расположению беспокоящего артиллерийского огня.

Вот когда мы почувствовали, что перелом наступил. Враг выдохся и, видимо, окончательно осознал бесплодность своих попыток прорваться на Курск. Из распоряжения командующего Воронежским фронтом прекратить наступательные действия, повсеместно перейти к жёсткой обороне я понял, что обстановка коренным образом изменилась.

Ночью меня вызвали на КП генерала армии Н. Ф. Ватутина. К моему приезду А. М. Василевский уже улетел в штаб Юго-Западного фронта, а Г. К. Жуков отдыхал.

Командующий фронтом информировал меня о положении на Воронежском, Центральном, Западном и Брянском фронтах.

- По имеющимся у нас данным, - говорил Н. Ф. Ватутин, - успехи советских войск под Орлом поставили немецкое командование перед необходимостью принять решение об отводе четвертой танковой армии и оперативной группы «Кемпф» на рубежи, с которых они начинали наступление. - В комнате было душно, и распахнутые настежь окна не

приносили прохлады. Ватутин расстегнул воротник гимнастёрки и продолжал: - Так вот, нам надо не упустить момент, когда противник начнёт отводить свои войска, наседать на него, бить, как говорится, в хвост и в гриву. А это лучше всего могут сделать наши подвижные соединения - танковые и механизированные корпуса.

- Все правильно, - согласился я. - Но у нас, товарищ командующий, еще много разбитых машин, хотя к восстановлению повреждённой боевой техники наши ремонтники приступили уже тридцатого июля.

- Понимаю, Павел Алексеевич, - мягко притронулся к моему плечу Николай Фёдорович. - Я сам внёс предложение вскоре после перехода в контрнаступление вывести вашу армию в резерв для пополнения личным составом и боевой техникой. А пока танкистам следует еще раз надавить на фашистов.

Решено было перегруппировки армии не производить. Ее соединениям надлежало наступать в тех же направлениях, на которых они действовали.

Вернувшись на свой КП, я созвал Военный совет армии и изложил свое решение на наступление. Для разработки задач корпусам и подготовки к наступлению оставалось немногим меньше суток.

Большое значение придавалось политическому обеспечению предстоящего контрнаступления. Во всех частях и подразделениях был зачитан мой приказ, в котором я объявлял благодарность войскам армии за успешные действия в сложной боевой обстановке встречного сражения, ставшие возможными благодаря боевому мастерству, высокому моральному духу всех бойцов и командиров, их беспримерному мужеству и непреклонной вере в победу над врагом, сколоченности штабов и жизнестойкости служб.

В приказе особо отмечались боевые заслуги войск под командованием генералов И. Ф. Кириченко, Б. М. Скворцова, Б. С. Бахарова, полковников А. А. Линева, Г. Я. Борисенко, Н. К. Володина, С. Ф. Моисеева, подполковников В. Д. Тарасова, В. А. Докудовского, В. А. Пузырева и майора Н. А. Курносова. Отмечена была также чёткая и плодотворная работа оперативного и политического отделов армии.

...Утром 17 июля после короткой, но мощной артиллерийской подготовки 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление. Однако темпы продвижения были невысокими. Противник сдерживал наши соединения сильными арьергардами, в составе которых действовали гренадерские полки, танки, артиллерия, минометы, саперы. Они минировали подступы к высотам и населенным пунктам, опушки леса, перекрестки дорог и оказывали упорное огневое сопротивление.

Наступавший вдоль железной дороги 29-й танковый корпус только к исходу дня овладел совхозом “Комсомолец”, а части 18-го танкового корпуса, действовавшие правее, с трудом захватили несколько высот. 2-й и 2-й гвардейский Тацинский танковые корпуса продвинулись за день всего от 3 до 4 километров.

Анализируя ход боевых действий армии, я пришёл к выводу о необходимости перегруппировать ее главные силы к правому флангу и в тесном взаимодействии с 5-й гвардейской общевойсковой армией нанести удар в направлении Малые Маячки, Яковлево, далее на Томаровку. Выбор направления главного удара оказался удачным. Армия прорвала вражескую оборону и за двое суток продвинулась с боями на правом фланге до 25-30, на левом - до 15 - 20 километров.

Однако на рубеже Яковлево, Быковка разгорелись ожесточённые бои с основными силами 4-й немецкой танковой армии. Особенно жаркие, похожие на прохоровские, схватки завязались в районе высот восточнее Яковлево. В этих боях опять прозвучало уже упомянутое мною имя лейтенанта Л. М. Татарина. 21 июля он, атакуя противника, занимавшего высоту 243,2, уничтожил два танка и два броневика, вывел с поля боя свою повреждённую машину, а на следующий день расправился еще с двумя вражескими танками, раздавил два орудия и истребил до ста гитлеровцев. Но этот бой стал для него последним. Отважный офицер скончался от смертельных ран.

Позднее Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии лейтенанту Леониду Михайловичу Татарину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

С упорными боями пробивались вперёд товарищи по оружию Леонида Татарина. Враг не выдержал и под все нарастающим нажимом войск Воронежского фронта откатывался на рубежи, с которых он в первых числах месяца начинал операцию “Цитадель”.

...Уже сгущались сумерки, когда на моём КП неожиданно появился командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин. Усталый, но, как всегда, приветливый, он крепко пожал мне руку и, улыбаясь, сказал:

- Выполняю обещание. С разрешения Ставки ваша армия выводится в резерв фронта.

Николай Фёдорович подошёл к разложенной на столе карте и очертил карандашом район Яковлево, Большие Маячки, Грязное.

- Передавайте занимаемый участок Алексею Семёновичу Жадову вместе со вторым и вторым гвардейским танковыми корпусами. И как только сосредоточитесь здесь, приводите армию в порядок.

* * *

В ночь на 24 июля 5-я гвардейская танковая армия без 2-го гвардейского Тацинского и 2-го танковых корпусов, переданных 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, отошла в район сосредоточения, указанный командующим фронтом. Командиры и штабы немедленно приступили к приведению своих частей и соединений в порядок. Штабу армии и прежде всего мне надлежало знать состояние всего армейского организма, как доктору пациента, заботиться о его “здоровье”, восстанавливать силы, обеспечивать всеми видами боевого довольствия.

Минувшие бои значительно ослабили армию. Правда, потери в личном составе у нас были сравнительно небольшие, а вот положение с состоянием бронетанковой техники внушало тревогу. Уже за первые два дня встречного сражения под Прохоровкой, не считая безвозвратных потерь, количество повреждённых танков превышало 400. И это только тех, которые эвакуировались с поля боя армейскими, корпусными и бригадными сборными пунктами аварийных машин. Можно представить, что было бы с армией, не соверши солдаты и офицеры ремонтных подразделений поистине героический подвиг. Работая днём и ночью, в условиях налётов вражеской авиации, они за короткое время отремонтировали и вернули в строй 112 боевых машин. Не хватало запасных частей и агрегатов. Их снимали с совершенно разбитых или требующих капитального ремонта танков. Но недостаток механического и термического оборудования, приспособлений и кранов для подъёма тяжёлых танковых башен и моторов при всей изобретательности ремонтников все же тормозил восстановление боевой техники. На 19 июля у нас еще насчитывалось до 180 танков, требующих среднего и текущего ремонта. Большинство машин, оставшихся в строю, имели изношенные моторы и нуждались в замене ходовой части.

Перед штабом армии, командованием соединений и частей, партийными и комсомольскими организациями мною была поставлена задача в предельно сжатые сроки завершить ремонт всей боевой техники.

Имея на руках все данные о потребностях армии, я выехал на КП командующего войсками фронта.

Н. Ф. Ватулин с большим вниманием отнесся к нашим нуждам, тут же дал указание о доставке в армию танковых моторов и запасных частей из фронтовых баз бронетанкового снабжения.

- Для вас затребованы новые танки и маршевые пополнения, - обрадовал Николай Фёдорович, - сделаем все, чтобы армия восстановила свою боевую мощь. Некоторое время у нас для этого имеется.

Командующий фронтом сказал, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая усталость и потери войск Воронежского и Степного фронтов в период оборонительного сражения, решила временно прекратить наступление на белгородско-харьковском направлении для того, чтобы привести войска в порядок, пополнить их людьми, подвезти технику и вооружение, боеприпасы, горючее и другие виды материального обеспечения. Требовалось также доразведать оборону противника, уточнить план операции и произвести необходимые перегруппировки.

На этот раз у Н. Ф. Ватутина, видимо, было свободное время и желание поделиться своими мыслями. Он пригласил меня пообедать с ним в тихом, уютном домике, окружённом пышно разросшимся фруктовым садом.

За столом у нас состоялся продолжительный разговор, главным образом о действиях танковых войск в минувших оборонительных боях на Курской дуге. Командующий критически разбирал эти действия, отмечал допущенные ошибки и был самокритичен. По его мнению, большинство промахов произошло вследствие недостаточного опыта в применении танковых соединений и объединений в оборонительных боях. Некоторые командующие общевойсковыми армиями вместо того, чтобы приданными танковыми бригадами цементировать оборону - использовать на танкоопасных направлениях совместно с противотанковой артиллерией, стали бросать их в контратаки против сильных танковых группировок врага, имевших в своём составе тяжёлые танки “тигр” и штурмовые орудия “фердинанд”.

Не обошлось без упущений и в использовании танковых армий, в частности 1-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск М. Е. Катукова.

В первый же день наступления гитлеровцев против Воронежского фронта для его войск создалась очень сложная обстановка. Противник обрушил на 6-ю гвардейскую армию генерала И. М. Чистякова удар огромной силы и, прорвав ее оборону, начал развивать наступление. Для восстановления положения в полосе обороны 6-й гвардейской командование фронта решило уже на второй день ввести в сражение 1-ю танковую армию, поставив ей задачу нанести контрудар по наступающей танковой группировке фашистов.

- Нам, и прежде всего мне, надо было думать не о контрударе, а об отражении удара превосходящих танковых сил противника. - Николай Фёдорович глубоко вздохнул и продолжал: - Русская пословица говорит: семь раз отмерь, один раз отрежь. Но беда в том, что долго отмерять у нас не было времени. События развивались с головокружительной быстротой. Враг ставил под угрозу вторую полосу нашей обороны и мог с ходу прорвать ее.

Из дальнейшего рассказа Ватутина я узнал, что положение усугубилось неудачным оперативным построением 1-й танковой армии. Вместо обоих (6-го и 31-го) танковых корпусов командарм поставил в первый эшелон 6-й танковый и 3-й механизированный корпус.

- Конечно, - признался Ватутин, - здесь мой промах.

Ведь я утвердил решение генерала Катукова. Однако Михаилу Ефимовичу как специалисту-танкисту и командарму лучше были известны боевые возможности подчинённых ему корпусов и их предназначение.

Я согласился с командующим фронтом в том, что командарму 1-й танковой не следовало использовать мехкорпус в первом эшелоне. Полностью укомплектованный хорошо подготовленным личным составом и боевой техникой, он все же уступал танковому корпусу по количеству боевых машин, а также в манёвренности и силе удара. Вместе с тем, имея пять бригад, в том числе одну танковую, оснащённый мощной противотанковой артиллерией 3-й механизированный корпус, наступая во втором эшелоне, мог бы под прикрытием танковых корпусов развернуться на выгодном рубеже и успешно отражать танковые атаки противника, а с подходом резервных соединений фронта - окончательно остановить врага.

Но, к сожалению, так не получилось. Гитлеровцы нанесли удар в стык между 3-м механизированным и 6-м танковым корпусами. В образовавшийся разрыв между ними противник бросил под прикрытием средних танков группу тяжёлых штурмовых орудий типа "фердинанд", которые начали поражать фланговым огнем наши танки с дальних расстояний. Не успевшие занять оборону механизированные бригады 3-го мехкорпуса вынуждены были с боем отходить. 6-й танковый корпус вначале удерживал занимаемые позиции, но в связи с отходом мехкорпуса под угрозой флангового удара противника тоже отошёл. Не спас положения ввод в сражение 31-го танкового корпуса и еще трёх танковых корпусов из резерва фронта. Левый фланг 1-й танковой армии под напором крупной массы вражеских танков стал постепенно погибать на северо-запад.

С восхищением говорил Н. Ф. Ватутин о величайшем героизме советских воинов. Танкисты, личный состав противотанковой артиллерии, мотострелки, саперы стояли насмерть. Враг нёс огромные потери. Только за один день боя гитлеровцы потеряли 11 тысяч солдат и офицеров, 230 танков и самоходных орудий.

- Это благодаря беспримерному мужеству и невиданной стойкости солдат, сержантов, офицеров и генералов первой танковой, шестой и седьмой гвардейских армий танковая лавина гитлеровцев не смогла пробиться через Обоянь на Курск еще до подхода в район Прохоровки вашей армии, - сказал командующий фронтом. - Ну а нам, командованию фронта и армий, -

посмотрел на меня Николай Фёдорович, - нужно сделать соответствующие выводы, чтобы впредь не допускать таких ошибок, которые на войне обходятся очень дорого.

Получив предварительные указания о подготовке к наступлению, я вернулся на свой КП, расположенный в хуторе Береговой.

Началась подготовка ко второму этапу Курской битвы - к контрнаступлению на белгородско-харьковском направлении, или операции "Румянцев", названной так в честь выдающегося русского полководца П. А. Румянцева.

Напряжённо работал штаб армии под руководством не знавшего устали генерала В. Н. Баскакова. Он занимался решением массы вопросов, связанных с боевой подготовкой личного состава частей и соединений, подвозом боеприпасов, продовольствия, горючего и смазочных материалов, анализом данных о противнике.

Особое внимание уделялось завершению ремонта танков. Каждый день генерал С. А. Соловой докладывал мне, сколько и каких отремонтировано боевых машин, а начальник штаба армии - о прибытии свежих маршевых танковых рот. К 30 июля армия имела уже 503 танка и 40 самоходно-артиллерийских установок.

- Приятно, товарищ командующий, - с явным удовольствием говорил В. Н. Баскаков, - когда видишь по-боевому настроенных танкистов и еще пахнущие свежей краской прибывающие танки.

Как-то в штаб не вошёл, а будто влетел крайне возбуждённый командир 29-го танкового корпуса генерал Кириченко.

- Безобразие! Волокита! - бушевал он.

- В чем дело? - как можно спокойнее спрашиваю генерала.

- Да этот непробиваемый, как его, упрснабрембронь задерживает мне ремонт танков. Начштаарм, говорит, установил очерёдность... - И, круто повернувшись к генералу Баскакову, Кириченко с укором спросил: - Что же это получается, дорогой Владимир Николаевич? Как в бой - так в первую очередь! А тут в последнюю...

- Успокойся же ты, Иван Фёдорович. Завтра, а может, и сегодня вечером приступят к ремонту и твоих танков, - пообещал Баскаков.

- Ну я заседлаю его и не слезу, пока не закрутят последнюю гайку! - вихрем сорвался с места Кириченко, имея в виду начальника управления бронетанкового снабжения и ремонта генерала С. А. Солового.

Мы рассмеялись, глядя вслед чересчур распалившемуся комкору. Нравился он нам - волевой, лихой, напористый, многоопытный.

Прибыл из 29-го танкового корпуса член Военного совета генерал П. Г. Гришин, рассказал, что танкисты деятельно готовятся к боям. Только за один

вчерашний день в корпусе восстановлено 20 танков. Политотдел корпуса развернул активную партийно-политическую работу. Не отстают и комсомольцы. Идет приём в партию и в комсомол, восстанавливаются численно и укрепляются партийные и комсомольские организации.

Пётр Григорьевич похвалил коллектив редакции армейской газеты “На штурм” во главе с подполковником Л. В. Смирновым. Газета держала бойцов и командиров в курсе всех важнейших событий на фронтах, в стране и за рубежом, публиковала волнующие информации о героях боев, пропагандировала опыт мастеров военного дела. Особое внимание уделяла воспитанию гвардейцев на славных боевых традициях Красной Армии, в духе беспредельной любви к нашей Родине и ненависти к фашистским захватчикам.

* * *

В конце июля была получена директива командующего Воронежским фронтом на предстоящую наступательную операцию. 5-я гвардейская танковая армия вместе с 1-й танковой армией включалась в состав подвижной группы фронта. Нам предстояло войти в прорыв в полосе 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова и, действуя в направлении Бессоновка, Уды, Золочев, Олынаны, разгромить противостоящего противника, к исходу первого дня наступления войти в районы Орловка, Щетиновка и Бессоновка. Через три дня операция должна была завершиться выходом на рубеж Ольшаны, Люботин и перехватом дорог, идущих с запада к Харькову. Начало наступления намечалось на 3 августа 1943 года.

В. Н. Баскаков вызвал начальника оперативного отдела гвардии подполковника Ф. М. Белозерова и начальника разведки армии майора Ф. Я. Митина. Первым был заслушан Митин. Он доложил данные о противнике, имевшиеся в распоряжении разведывательных органов штаба фронта и армий.

На белгородском направлении оборонялись войска все тех же 4-й немецкой танковой армии и оперативной группы “Кемпф”, но уже в ослабленном составе. Гитлеровцы вынуждены были спешно снять ряд дивизий с белгородско-харьковского направления и перебросить их в район Орла, а частично - в Донбасс. Однако переброску этих сил противник пытался компенсировать всемерным укреплением и глубоким эшелонированием своей обороны. Главная ее полоса состояла из двух позиций глубиной 6-8 километров, вторая проходила в 12-15 километрах от переднего края и включала одну позицию, глубина которой составляла 2-3 километра. На каждой позиции были оборудованы с присущей немцам

скрупулёзностью опорные пункты и узлы сопротивления, соединённые между собой траншеями полного профиля. Кроме того, имелась промежуточная позиция, а все подступы к переднему краю и промежутки между опорными пунктами прикрывались рогатками, эскарпами, ежами, минновзрывными заграждениями.

Проанализировав обстановку, силы и характер обороны противника, я решил вводить армию в прорыв в двухэшелонном построении, имея в первом эшелоне 18-й и 29-й танковые корпуса, во втором - 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерве оставались части отряда генерала К. Г. Труфанова. Командирам корпусов были отданы предварительные распоряжения о подготовке к операции и разработке своих решений.

...С утра 31 июля в хуторе Береговой царило необычное оживление. К штабу армии подходили автомашины с офицерами из соединений в армейских частях. Заканчивались последние приготовления к совещанию — операторы развешивали карты и схемы, бойцы расставляли наскоро сколоченные скамейки. Ожидали командующего войсками Воронежского фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина.

И вот появился “виллис” командующего в сопровождении бронетранспортёра с охраной. Вместе с Н. Ф. Ватутиным приехал и Г. К. Жуков. Приняв мой рапорт, они прошли в штаб, где уже все были на местах.

Совещание было коротким. Мне на доклад решения отводилось всего пять минут, командирам корпусов - две-три минуты. Выслушав доклады и одобрив их, маршал Жуков информировал нас о замысле операции по разгрому белгородско-харьковской группировки противника.

- Ставка Верховного Главнокомандования, - сообщил он, - решила нанести по этой группировке удар войсками смежных флангов Воронежского и Степного фронтов из района юго-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки с целью рассеять немецко-фашистские войска на две части, а затем разгромить главные силы противника в районе Харькова.

Затем генерал Ватутин коротко изложил задачу Воронежского фронта. Предстояло ударом 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых армий прорвать оборону противника и вводом в прорыв фронтовой подвижной группы (1-я и 5-я гвардейская танковые армии) в высоких темпах развить наступление в общем направлении на Золочев, Валки в обход Харькова с запада.

После отъезда Г. К. Жукова и Н. Ф. Ватутина я связался с командующими войсками 5-й гвардейской и 1-й танковой армий генералами А. С. Жадовым и М. Е. Катуковым. Договорились встретиться на командном пункте 5-й гвардейской армии, чтобы вместе с начальниками штабов и оперативных отделов армий согласовать вопросы взаимодействия по этапам

операции, а главное - наметить маршруты движения вводимых в прорыв танковых корпусов в полосе наступления 5-й гвардейской армии.

Вечером мы уже собрались у А. С. Жадова. Алексей Семёнович подробно информировал нас о принятом им решении на операцию, которое сводилось к следующему: ударом пяти усиленных стрелковых дивизий в направлении Зелёная Дубрава, Орловка прорвать оборону противника на всю ее глубину и овладеть рубежом Пушкарное, Раково, обеспечив ввод в прорыв наших танковых армий.

Он был уверен в успехе, поскольку армия получила большое артиллерийское усиление, позволившее спланировать мощную артиллерийскую подготовку продолжительностью около трёх часов с плотностью до 230 орудий и миномётов на один километр участка прорыва.

- Все это хорошо, - заметил я, выслушав А. С. Жадова. - Но не получится ли, что ваши войска при бое в глубине обороны противника останутся без поддержки наших танков?

- Как так? - удивлённо поднял густые брови командарм.

— Очень просто. У вас прорыв осуществляется на участке всего каких-нибудь десяти километров. Как только ваши ударные части прорвут первый оборонительный рубеж противника, за ними тотчас же хлынут войска вторых эшелонов и тылы. Все намеченные маршруты движения танков эти войска могут запрудить и отсечь наши танки.

- Да, это действительно сложный вопрос, - согласился А. С. Жадов.

- Давайте думать, как нам его решить, - предложил М. Е. Катуков.

В относительно узкой полосе прорыва предстояло двигаться одновременно четырём танковым корпусам - первым эшелонам двух танковых армий. Для них нормально требовалось не менее восьми маршрутов. Но, поскольку такой возможности не было, решили двигать танковые корпуса по четырём маршрутам. А для того чтобы они не оказались занятыми другими войсками, следовало колонны бригад первых эшелонов танковых корпусов держать от атакующей пехоты на удалении не более 2-3 километров. Условились также обратить особое внимание на организацию чёткой совместной службы регулирования движения и систему опознавания при бое в глубине.

Во второй половине дня 2 августа штаб нашей армии и мой КП переместились в район села Яковлево, а с наступлением сумерек начали выдвижение в исходные районы 18-й и 29-й танковые корпуса. В два часа ночи они без каких-либо затруднений сосредоточились на рубеже Быковка, Крапивенские Дворы, где заняла огневые позиции переброшенная за день до подхода танков армейская артиллерия.

Занималось утро 3 августа 1943 года. Скоро с моего наблюдательного пункта сквозь белёсый туман стали просматриваться полуразрушенные деревни и кромка леса, именуемого на карте Журавлиным. Там боевые порядки стрелковых дивизий 5-й гвардейской армии, и я почти зримо представлял, как волнуются гвардейцы перед штурмом вражеской обороны.

К началу артиллерийской подготовки я приехал на КП А. С. Жадова. Здесь был представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. А когда часовая стрелка коснулась цифры “5”, гром артиллерийской канонады разорвал утреннюю тишину. Огонь вели тысячи орудий, в том числе часть наших гаубиц, заранее выдвинутых к огненным позициям артиллерии 5-й гвардейской армии. На широком пространстве по фронту пламенели красновато-жёлтые вспышки, а дальше, к югу, на переднем крае и в глубине обороны противника, вспучивались бурые всплески взрывов, сливавшиеся в сплошную тёмную гряду земли, поднятую могучей силой в воздух. Дым и пыль разрастались, густым облаком клубились над вражеской обороной, сотрясаемой ураганным огнем артиллерии.

Такую по мощности артиллерийскую подготовку я видел впервые.

Волна за волной прошли наши бомбардировщики. И только они отбомбились, как появились стремительные штурмовики. Последовали залпы гвардейских миномётов, и тут же прокатилось могучее, долго не смолкающее “ура”. Это перешла в наступление 5-я гвардейская армия генерала Жадова.

По решению командующего фронтом войска 5-й гвардейской танковой армии должны были вводиться в сражение после прорыва стрелковыми соединениями главной оборонительной полосы противника и лишь в случае крайней необходимости допрорывать оборону врага. Поэтому с началом атаки пехоты я приказал командирам танковых корпусов вести головные бригады непосредственно за стрелковыми частями. Когда темп наступления пехоты начал снижаться, ко мне обратился находившийся на КП А. С. Жадова маршал Г. К. Жуков:

- Товарищ Ротмистров, не пора ли двинуть танки?

- Время, товарищ маршал, - ответил я и тотчас же отправился на свой КП, отдав соответствующие распоряжения командирам корпусов. В частности, приказал выдвинуть в боевые порядки пехоты по одной танковой бригаде от 18-го и 29-го танковых корпусов для обеспечения завершения прорыва тактической обороны противника.

К четырнадцати часам гвардейцы армии генерала Жадова при поддержке нашей и 1-й танковой армий полностью прорвали главную оборонительную полосу немцев, что позволило мне без помех выдвинуть 18-й и 29-й танковые корпуса на рубеж ввода их в прорыв шириною около 4

километров. 29-й танковый корпус генерала И. Ф. Кириченко двинулся вправо, на Степное. Слева развернулись бригады 18-го танкового корпуса, командование которым незадолго до наступления принял от генерала Б. С. Бахарова генерал-майор танковых войск Александр Васильевич Егоров.

Оба корпуса как бы входили в коридор, образованный с одной стороны глубоким логом, с другой - заболоченным яром. Сплошная гряда высот, минные и другие заграждения затрудняли танкам маневр. Но с помощью сапёров танкисты расчищали себе путь и постепенно увеличивали темпы продвижения. В эфире все чаще слышался властный голос командира головной, 32-й танковой бригады полковника А. А. Липева: "Сократить дистанции!", "Увеличить скорость!".

В середине дня первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии, преодолев главную полосу обороны противника, начал обгонять боевые порядки пехоты. Выдвижение массы танков пехота встретила восторженно.

Сокрушительными были удары нашей артиллерии и авиации. Подъезжая с оперативной группой к высоте 227,6, на свой очередной наблюдательный пункт, я видел искромсанные, изрытые взрывами снарядов, мин и авиабомб траншеи и ходы сообщения, доты и дзоты, исковерканные, превращённые в груды металла орудия, сожжённые танки противника, повсюду в разных позах валялись трупы захватчиков.

Ко мне на НП привели трясущегося от страха всем своим сухопарым телом связиста 328-го мотоциклетного полка 167-й немецкой пехотной дивизии.

- Мы не понимаем, что случилось! - лепетал он. - Еще вчера нам говорили, что наша дивизия будет наступать... А сейчас! - Обхватив голову костлявыми грязными пальцами, гитлеровец что-то бормотал себе под нос и ошалело таращил водянистые глаза.

А его 167-я с 332-й пехотной и 18-й танковой дивизиями откатывалась на юг. У меня на оперативной карте появлялись все новые и новые пометки о положении частей и соединений.

Солнце уже клонилось к закату. Затянутое облаком дыма и пыли, оно казалось изжелта-красным. Напряжение боя спадало. Прибывали один за другим офицеры связи. Настроение у всех было бодрое. Наша 1-я танковая и 5-я гвардейская армии к исходу дня прорвали вторую полосу обороны врага, продвинувшись на 25-30 километров. И что самое важное, главные силы наших корпусов совместно с войсками 1-й танковой армии вышли на рубеж железной дороги Томаровка - Белгород, разъединив томаровский и белгородский узлы сопротивления врага.

Это был большой успех. Его обеспечили своим неудержимым наступательным порывом гвардейцы-танкисты, пехотинцы, артиллеристы и

миномётчики, бойцы всех родов войск и служб. В достижение успеха внесли свой весомый вклад летчики 291-й штурмовой авиационной дивизии генерала А. Н. Витрука и 10-го истребительного авиационного корпуса полковника М. М. Головни.

В пять часов утра 4 августа 5-я гвардейская танковая армия продолжила наступление, стремясь как можно быстрее развить тактический успех в оперативный. Начало было многообещающим. К девяти часам передовые отряды уже подошли к Орловке и Козичеву. Но здесь их остановила 6-я немецкая танковая дивизия, усиленная частями других соединений противника. Гитлеровцы с отчаянным упорством цеплялись за каждый выгодный рубеж, а их здесь было немало. Множество высот, глубоких балок и рек, в том числе труднопроходимая речка Гостенка, сами по себе представляли серьёзные препятствия для наших танков. Все подступы к ним противник успел заминировать, а на высотах окопал танки и противотанковую артиллерию с круговым обстрелом.

18-й танковый корпус генерала А. В. Егорова упёрся в оборону противника и, не имея условий для манёвра, вынужден был временно приостановить наступление. Поступило тревожное донесение и от командира 29-го танкового корпуса генерала И. Ф. Кириченко. Сопrotивление врага с каждым часом усиливалось, корпус нёс потери, особенно от участвовавших налётов фашистской авиации. Кириченко просил оказать помощь огнем артиллерии и авиацией.

Вызываю поддерживающую авиацию. Штурмовики пикируют на противника, бомбят и обстреливают его позиции. Но это не помогает. Гитлеровцы глубоко закопались в землю, отражают наши атаки сильным огнем и даже кое-где переходят в контратаки.

Принимаю решение подтянуть артиллерию и ввести в сражение второй эшелон армии - 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. Командиру корпуса генералу Б. М. Скворцову было приказано нанести удар на Казачев, Уды в обход левого фланга 6-й танковой дивизии противника и к исходу дня выйти в район Золочева.

Однако не успел еще корпус генерала Скворцова достигнуть рубежа ввода в бой, как последовала радиограмма командующего Воронежским фронтом с приказом повернуть его войска на Белгород. Лишь позже мы узнали, что наступавшая левее 5-й гвардейской танковой армии 53-я армия генерала И. М. Манагарова частями приданного ей 1-го механизированного корпуса, которым командовал генерал-майор танковых войск М. Д. Соломатин, вышла на ближайшие подступы к Белгороду. Для оказания помощи войскам Степного фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин и

потребовал от меня нанести удар в белгородском направлении силами 5-го гвардейского механизированного корпуса.

Приказ надо было выполнять и одновременно искать выход из кризиса, сложившегося в наступлении 18-го и 29-го танковых корпусов. Первое, что я предпринял, - срочно ввел в бой находившийся в моем резерве отряд частей генерала К. Г. Труфанова, поставив ему ту же задачу, что ставил и 5-му гвардейскому механизированному корпусу. Танковым корпусам было приказано: 18-му - обойти Орловку с северо-запада на Гомзино; 29-му - во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской армии уничтожить противника в районе Орловки.

Вечером, в то время, когда мы анализировали причины задержки наступления наших танковых корпусов, поступило сообщение, что 3-й механизированный корпус 1-й танковой армии форсировал реку Гостенка в 10 километрах юго-западнее Орловки и продолжает развивать наступление на юг и юго-запад. Следовало воспользоваться успехом нашего соседа, и я тут же приказал генералу Труфанову немедленно выдвигаться на правый фланг армии.

О результатах боев за 5 августа генерал В. Н. Баскаков лаконично доносил начальнику штаба Воронежского фронта:

“1. 18-й танковый корпус, обходя Орловку с запада, к 17 часам двумя бригадами (110 тбр и 32 мсбр) вышел на рубеж Гомзино и продолжает наступление на Щетиновку. В дальнейшем эти бригады обеспечивают действия корпуса слева на Золочев.

2. 29-й танковый корпус к 16 часам главными силами овладел Орловкой. Развивает успех на юго-запад.

3. 5-й гвардейский механизированный корпус атакует на Грязное. Вошёл в соприкосновение с частями 1-го механизированного корпуса генерала М. Д. Соломатина”.

Но главным и радостным событием этого дня явилось освобождение советскими войсками старинного русского города Белгород. Радость эта была всеобщей, всенародной. Впервые за минувшие два года Великой Отечественной войны столица нашей Родины Москва салютовала в честь войск, освободивших Орёл и Белгород. В числе их был и наш 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус.

Для повышения темпов наступления я принял решение продолжать боевые действия и ночью. При этом танковые бригады, наступавшие во втором эшелоне корпусов и, следовательно, имевшие меньший дневной

расход боеприпасов и горючего, к ночи выдвигались в первый эшелон. В это время подтягивались тылы, транспорт армии подвозил для выведенных из первого эшелона частей снаряды, патроны, горючее, восстановленные ремонтниками танки. Таким образом, происходило постоянное освежение сил, действовавших на острие удара, до минимума сокращался расход времени на дозаправку танков и пополнение их боеприпасами.

Учтено было и то обстоятельство, что немцы уступали нам в умении вести ночной бой, плохо ориентировались в темноте и вообще старались использовать ночное время для отдыха. Мы к тому же действовали на родной земле. У нас было много добровольных помощников из местных жителей, хорошо знавших просёлочные дороги, броды через речки, наиболее удобные подступы к населённым пунктам, а нередко и составы гарнизонов немецких войск, огневые позиции их артиллерии и пулемётов.

Внезапные ночные удары даже отдельных частей приносили порой такой успех, которого не могли бы добиться более крупные силы, наступая в дневное время.

И на этот раз 181-я танковая бригада, действуя в качестве передового отряда 18-го танкового корпуса, в ночь на 8 августа по заросшей просёлочной дороге вышла в тыл противника и устремилась к городу Золочев.

Позже лично от командира бригады подполковника В. А. Пузырева я узнал подробности боя и даже кое-что о действиях отдельных экипажей танков.

...Было уже за полночь, когда танкисты с выключенными фарами машин достигли окраин города. Тусклый свет луны бросал таинственные блики на придорожные кусты, заглядывал в балки и овраги. Где-то в тылу гроыхали артиллерийские залпы, разрезая горизонт багровыми языками пламени.

К четырём часам утра бригада вышла на окраины города и по команде В. А. Пузырева остановилась, заглушив моторы. Командиры батальонов и рот собрались у танка подполковника, ожидая его решения.

- А я поначалу заколебался, - признался мне Пузырев. - Не знал ведь, товарищ командующий, что за силы в городе. Думаю, как бы не влипнуть. Можно подождать до рассвета и разведать противника. Размышляя, прислушиваюсь. Тихо. Необычно спокойно, даже не слышно лая собак. Враг спит. Наконец решаю ворваться в город, посеять среди фашистов панику и смятение. Главное - внезапность и быстрота действий...

Смелое решение. Недаром говорят, что смелость города берет. И комбриг коротко приказал:

- Заводить машины. Устроим гитлеровцам подъем. Действовать с предельной осторожностью, однако и с неменьшей решительностью. Вперёд, на Золочев!

Взрели моторы, и танки ворвались в город. Разбуженные скрежетом гусениц и грохотом пушечной стрельбы, полураздетые гитлеровцы ошалело выскакивали из домов и, подкошенные пулемётным огнем, валились как снопы. Более опытные офицеры бросались на соседние улицы, пытаясь организовать сопротивление. Но наши танковые роты двигались параллельно по всем улицам, расстреливали и давили стоявшие на обочинах грузовые и штабные автомашины, тягачи, орудия, походные кухни.

У церкви фашистские артиллеристы поспешно развёртывали противотанковую батарею. Это заметил младший лейтенант Г. Г. Баратынский. Его танк на высокой скорости пересёк площадь и через несколько минут раздавил пушки противника.

С рассветом сопротивление гитлеровцев начало возрастать. Об этом комбриг доложил по радио командиру корпуса и получил приказ во что бы то ни стало удержаться в городе.

Враг мог подбросить подкрепление по железной дороге. “Надо захватить вокзал”, - решил Пузырев. Танки капитана Я. П. Вергуна и старшего лейтенанта Е. В. Шкурдалова помчались к станции, уничтожая по пути метавшихся гитлеровцев.

До вокзала осталось еще два-три квартала. И вдруг Шкурдалов обнаружил, что в азарте боя он израсходовал весь боезапас. Пушка была заряжена последним снарядом. А тут из двора выскочила открытая легковая автомашина и промчалась мимо танка. Шкурдалову видно было, как в машине подпрыгивает фуражка немецкого генерала: “Ах, черт! Ведь уйдёт же...” подумал он и выпустил оставшийся снаряд.

Готов! обрадованно крикнул механик-водитель старший сержант А. И. Журавлев, когда машина разлетелась на куски.

Только разделались с машиной, из переулка выполз и двинулся наперерез вражеский танк.

Тарань! приказал командир механику-водителю.

Едва успел Журавлев выключить сцепление, как тридцатьчетвёрка ударила в борт немецкого танка. Тот от сильного удара свалился в кювет и вспыхнул. Дорога свободна! И танк Шкурдалова ринулся вперёд на помощь капитану Вергуна.

С восходом солнца бой разгорелся с новой силой. Противник успел подтянуть танки и самоходки. К станции подошёл вражеский бронепоезд. Все труднее становилось сдерживать напор гитлеровцев. Но вот на высотах севернее Золочева показались тридцатьчетвёрки. Выбив противника из

Щетиновки и Уды, главные силы 18-го танкового корпуса спешили на помощь 181-й бригаде.

Под вечер гитлеровцы были окончательно отброшены на юго-запад.

За мужество и бесстрашие, проявленные в этих и предыдущих боях, капитану Я. П. Вергуну и старшему лейтенанту Е. В. Шкурдалову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

В то время как 18-й танковый корпус очищал от противника Золочев, 29-й развивал наступление в направлении крупного населённого пункта Казачья Лопань, расположенного на шоссе Белгород-Харьков. Враг оказывал ожесточённое сопротивление, бросая в бой все, что у него имелось: сапёров, орудийных техников и даже санитаров. К Казачьей Лопани подошла и развернулась там 3-я немецкая танковая дивизия. Борьба за этот населённый пункт предельно обострилась. Но все же 29-му танковому корпусу удалось ворваться на западную и северо-западную окраину села. Всю ночь продолжался напряжённый бой. А к утру я приказал генералу Кириченко передать позиции корпуса 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии армии А. С. Жадова и нанести удар на село Должик. Одновременно с разрешения командующего Воронежским фронтом к развитию успеха армии был привлечён 5-й гвардейский механизированный корпус. Снятый из-под Грязного, он выдвинулся через Гомзино, Щетиновку в обход Золочева с востока на Дергачи. А к утру 9 августа части 29-го танкового корпуса после упорных боев овладели и Должиком. С выходом 5-й гвардейской танковой армии в район Золочев, Должик, Казачья Лопань оборона противника была рассечена на две части.

Значительных успехов добились 1-я танковая и 6-я гвардейская армии, наступавшие правее 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Они перерезали в районе Богодухова шоссейную и железную дороги Харьков-Сумы, создав непосредственную угрозу тыловым коммуникациям харьковской группировки противника с запада.

Наша армия продолжала оставаться в оперативном подчинении командующего Воронежским фронтом, но меня уже поставили в известность, что она передаётся в состав Степного фронта. Как позже стало известно, по плану Харьковской операции, представленному Г. К. Жуковым и И. С. Коневым Верховному Главнокомандующему и утверждённому им, 5-я гвардейская танковая армия передавалась Степному фронту. Во взаимодействии с 53-й армией генерала К. М. Манегарова она должна была обходить Харьков с запада и юго-запада. Однако официальной директивы об этом я еще не получил. Войска армии пока действовали на стыке Воронежского и Степного фронтов, выполняя ранее поставленную задачу.

Противник же в это время вел сдерживающие бои, используя систему узлов сопротивления, созданных в Полевом, Ольшанах, Пересечной, пытаясь локализовать наше наступление северо-западнее Харькова.

9 августа на мой НП прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

- Ну как, танкист, трудно стало воевать с бронетанковыми войсками немцев? - спросил он, выслушав мой доклад о ходе действий армии.

- Да, не легко, особенно против их тяжёлых танков, - откровенно признался я. - Они оснащены сильным артиллерийским вооружением, которое превосходит артиллерийское вооружение наших боевых машин...

- Какой же напрашивается вывод?

- Нам, товарищ маршал, нужно создать свои новые танки с более мощной пушкой, а также тяжёлые самоходные артиллерийские установки, может быть вооружив их двадцатидвухмиллиметровыми пушками. Только в этом случае наши бронетанковые войска добьются превосходства над бронетанковыми силами немцев.

- Ясно. Об этом мне уже говорил Иван Степанович Конев, - заметил Георгий Константинович.

- На первых порах хотя бы поставить стомиллиметровую пушку на шасси Т-34, то есть сделать самоходную артиллерийскую установку и вооружить эти танки восьмидесятипятимиллиметровой пушкой.

- Хорошо. Ваше мнение будет доложено Верховному, - пообещал Г. К. Жуков.

Маршал подошёл к развёрнутой мною карте.

- К двадцати часам, - подчеркнул он карандашом один из населённых пунктов, - вам надлежит быть здесь. Вас встретят и проводят на мой КП.

После отъезда Г. К. Жукова я вызвал командиров корпусов, приказал им оставить в первой линии минимум танков, за ночь создать сильные вторые эшелоны и резервы, с наступлением темноты вести по противнику беспокойный огонь из танков, артиллерии и миномётов.

К указанному Г. К. Жуковым времени я подъехал к небольшому посёлку. Встретивший меня офицер попросил оставить машину в посёлке и следовать за ним. Мы двинулись по просёлочной дороге, уходившей в густой сосновый лес. Там стояло несколько служебных вагонов, хорошо закамуфлированных и скрытых до самых крыш в глубокой выемке. Было сумрачно и тихо. Только из одного вагона, на вид такого же, как и все остальные, доносилась игра на баяне. В этот вагон и пригласили меня.

Г. К. Жуков, одетый в белую, вышитую по вороту рубашку, сидел на стуле, медленно растягивая мехи баяна.

- Хорошо играете! - сказал я, приветствуя Георгия Константиновича.

- Какое там, - улыбнулся маршал. - Вот Манагаров большой мастер. Не могу наслушаться, когда бываю в его армии. - Он отложил в сторону баян и глубоко вздохнул: - А я просто так, по настроению, чтобы развеять грустные думы или, наоборот, сосредоточиться... И представьте себе - помогает. - Георгий Константинович встал и предложил мне поужинать. Я поблагодарил и, сославшись на то, что перед дорогой закусил, отказался.

- Тогда к делу, - сказал Жуков и подошёл к большой карте, развёрнутой на длинном столе. Он показал и рассказал мне, как складывается обстановка под Харьковом, затем, будто между прочим, заметил, что есть данные о переброске немцами заново пополненного личным составом и материальной частью 2-го танкового корпуса СС в состав орловской группировки для парирования удара нашего Брянского фронта.

Маршал взглянул на меня. Его лицо посуровело, на переносице обозначилась складка.

- А лично я этому не верю! - положил он руку на карту. - Не может такого быть, когда завязывается борьба за Харьков. Не следует забывать, что гитлеровцы - изощрённые мастера дезинформации. Ввели же они нас в заблуждение в марте этого года. Первым попалось на их удочку командование Юго-Западного фронта, которое приняло перегруппировку противника за отвод его войск на западный берег Днепра. А упомянутый эсэсовский корпус при мощной поддержке авиации нанёс внезапный танковый удар из района Богодухова, в результате наши войска оставили уже освобождённые нами тогда Харьков и Белгород. - Г. К. Жуков прошёлся вдоль стола и, повернувшись ко мне, продолжал: - Так вот, есть опасения, что противник попытается повторить этот маневр или отсечь и расчлнить группировку наших войск, охватывающую Харьков с запада. Мы не можем этого допустить... - Маршал на минуту задумался, потом обвёл красным карандашом район юго-восточнее Богодухова и снова заговорил: - Вот здесь тридцать второй гвардейский стрелковый корпус генерала Родимцева армии Жадова. Вам ставится задача под прикрытием этого корпуса сосредоточить вашу армию в таком построении, чтобы она, как только закончится артподготовка и пехота начнёт наступление, могла нанести мощный танковый удар на узком участке в обход харьковской группировки немцев с юга. Сколько вам потребуется времени на рокировку армии?

- Скрытно передислоцировать ее можно лишь ночами. В целом это займёт около трёх суток, - немного подумав, ответил я.

- А за двое нельзя?

- Нет, товарищ маршал, не успеем. Сейчас около двух часов ночи. У себя я буду в четыре. К пяти вызову командиров корпусов и выведу с ними на рекогносцировку. Им тоже потребуется время для рекогносцировки с

командирами бригад. Ночью передислоцируются восемнадцатый и двадцать девятый танковые корпуса. В следующую ночь выйдет в свой район пятый механизированный корпус. Еще потребуется ночное время для переброски остальных армейских частей и тылов...

Г. К. Жуков утвердил мой расчёт и еще раз предложил мне перекусить. Я выразил ему признательность за внимание и попросил разрешения убыть в армию.

* * *

Армия скрытно и без особых помех сосредоточилась в лесу, рядом с избранными исходными районами для наступления. В соответствии с указаниями Г. К. Жукова я принял решение поставить оба танковых корпуса (18-й и 29-й) за боевыми порядками двух стрелковых дивизий генерала А. И. Родимцева, развернув их на фронте до 8 километров в двухэшелонном построении. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус, составляя второй эшелон армейского построения, должен был занять выгодный рубеж на случай перехода к обороне.

Все, казалось, шло хорошо. Штаб армии связался со штабами 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий. По их данным, обстановка благоприятствовала наступлению, противник в полосе предстоящих действий как будто не имел крупных сил.

С А. И. Родимцевым, которого я знал как опытного и отважного командира, договорились, что наступление он начнёт в шесть часов утра после 45-минутной артиллерийской подготовки и следом за его корпусом двинутся наши танковые соединения. Наблюдательные пункты мы расположили поблизости, чтобы четко осуществлять взаимодействие. Мой же НП в этих условиях оказался впереди главных сил армии.

В четыре часа была отдана команда “По машинам!”, и лес наполнился гулом моторов. Цепочки красных сигналов скрывались в предутренней мгле. Танковые корпуса уходили в исходные районы.

Я тоже выехал на свой НП с запасом времени. Здесь около шести часов получил донесения о сосредоточении соединений и готовности их к наступлению. И вдруг обнаруживаю, что генерала Родимцева нет на его НП, а вместо канонады нашей артиллерии слышал рокот моторов немецких самолетов. Через несколько минут фашистская авиация обрушила бомбовый удар на Богодухов и посёлок, в котором размещался штаб 32-го гвардейского стрелкового корпуса. Более того, разведчики доложили мне, что метрах в пятистах против моего НП стоят немецкие танки, которые я тоже увидел, посмотрев в бинокль. Немедленно сажусь в свой “виллис” и мчусь к А. И.

Родимцеву. Застаю его у машины весьма расстроенным. Хата, в которой он ночевал, охвачена пламенем. Горели и другие дома поселка, пылали сараи, заборы, все вокруг.

- Александр Ильич! В чем дело? Почему не наступаете? - спрашиваю комкора.

- Не подошла еще артиллерия, - взволнованно ответил Родимцев. — Да и что делается, видите...

Возвращаюсь на основной НП. По дороге в бинокль наблюдаю безрадостную картину: немецкие танки наступают широкой лавой. Фашистская авиация бомбит нещадно. Наша пехота поспешно отходит и даже кое-где бежит. Только противотанковая артиллерия ведет отчаянный, неравный бой. Тут же открытым текстом отдаю по радио приказ командирам 18-го и 29-го корпусов развернуть боевые машины и артиллерию для отражения атаки танков и мотопехоты противника. Получилось удачно: две дивизии А. И. Родимцева укрылись за танки 5-й гвардейской танковой армии.

В общем, враг упредил нас. Вместо того чтобы наступать, нам пришлось обороняться. Г. К. Жуков предугадал действия противника. Через некоторое время узнаю, что удар наносят танковые дивизии “Райх” и “Мертвая голова” при поддержке других соединений танкового корпуса СС.

Поле боя в тот день напоминало одну из картин сражения под Прохоровкой. Всюду горели вражеские и наши танки, громоздились разбитые противотанковые пушки, бронетранспортёры, автомашины и мотоциклы, полыхали в пламени пожара колхозные постройки и скирды соломы, кругом стлался сизо-чёрный дым.

Несмотря на большие потери, противник продолжал настойчиво атаковать. Фашистская авиация группами по 30 - 40 самолетов непрерывно бомбила боевые порядки нашей армии и части корпуса А. И. Родимцева. Одна группа самолетов, отбомбившись, улетала, тут же появлялась и заходила на бомбометание другая. Нашей авиации почему-то не было видно. Вероятно, все ее усилия сосредоточивались на ударах по ближним подступам к Харькову.

Особенно тяжело приходилось 29-му танковому корпусу: он принял на себя главный удар противника. Ценой значительных потерь гитлеровцам удалось несколько потеснить корпус и захватить Кияны. Частям корпуса трудно было - противостоять превосходящим силам врага, так как они не готовились к обороне и развернулись по моему приказу для наступления. Но танкисты сражались упорно, отстаивая свои рубежи до последней возможности. Экипажи подбитых танков дрались в пешем строю.

Когда я прибыл на НП генерала И. Ф. Кириченко, 32-я танковая бригада и 4 танка 25-й танковой бригады отходили на рубеж Гавриш, Крысино. Воспользовавшись этим отходом, 16 фашистских танков (из них 6 “тигров”), свернувшись в колонну, двинулись к железнодорожному переезду. Казалось, что остановить их уже было нечем и гитлеровцы вот-вот перережут магистраль. Однако командир 2-го батальона 32-й бригады капитан А. Е. Вакуленко решил расстрелять вражеские танки огнем из засады. 6 тридцатьчетвёрок, прикрываясь железнодорожной насыпью, подошли к переезду и замаскировались. Не подозревая опасности, гитлеровцы плотной колонной пересекли железную дорогу и в этот момент были встречены метким огнем наших танкистов. Наши машины вели огонь с двух сторон под небольшим углом по бортовой и кормовой броне фашистских танков.

Командир взвода лейтенант В. С. Паршин первым же снарядом поджёг головную машину противника. Затем запылали еще два танка. Застопорив движение всей вражеской колонны, взвод Паршина вступил в борьбу с “тиграми”, открывшими беспорядочную стрельбу, не зная, сколько действует против них советских танков. Удалось подбить еще два “тигра”. Остальные, отстреливаясь, поспешно отошли.

За неоднократно совершенные в боях подвиги лейтенанту Виктору Степановичу Паршину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В ходе сражения я направил два донесения командующим Воронежским и Степным фронтами, в которых сообщил, как внезапно изменилась обстановка на богодуховском направлении и что произошло в шесть часов утра. Указал и на то, что 5-я гвардейская танковая армия ведет ожесточенный бой с танковым корпусом СС, едва сдерживая его бешеный натиск.

И вдруг к концу дня получаю два противоречивых приказа, совершенно не отвечающих сложившейся обстановке. Н. Ф. Ватутин требовал развернуть армию вправо и оказать помощь 1-й танковой армии М. Е. Катукова в разгроме наседавшего на неё противника. По приказу же И. С. Конева армия должна была уклониться влево и выйти в полосу действий 53-й армии И. М. Манагарова для совместного наступления в целях разгрома харьковской группировки немецко-фашистских войск. Положение у меня было таким, что я подчинялся двум командующим фронтами. Как же поступать? Если снять армию с богодуховского направления, то остановленная, но несломленная танковая группировка противника непременно захватит Богодухов и нанесет удар в тыл наших 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий левого крыла Воронежского фронта, то есть произойдет беда, о которой меня предупреждал Г. К. Жуков.

После мучительных раздумий, которые особенно тяжелы на фронте, когда речь идёт о жизни десятков и сотен людей, решаю повременить с выполнением полученных приказов и ставлю задачу командирам корпусов о переходе к жесткой обороне.

К вечеру атаки противника прекратились. Я рад был, что противоборство с корпусом СС (он имел больше, чем мы, танков) завершилось. И главное - у меня еще были солидные силы: в схватке практически участвовали только два танковых корпуса, в то время как второй эшелон армии и резерв в бой не вводились.

И все же настроение у меня было мрачное, когда на мой НП прибыли генералы В. Н. Баскаков, С. А. Соловой и И. В. Владимиров. От Солового я потребовал к утру отправить в танковые корпуса все отремонтированные танки и за ночь оказать помощь ремонтникам соединений в восстановлении незначительно повреждённых танков. Баскакову дал указание подготовить приказ на оборону, командующему артиллерией армии генерал-майору И. В. Владимирову - разработать систему артиллерийского огня, выдвинув как можно больше орудий на стрельбу прямой наводкой.

- А как же с приказами Ватутина и Конева? - недоуменно опросил меня В. Н. Баскаков.

- Выполняйте, Владимир Николаевич, то, что я вам приказал. Армия переходит к обороне до выяснения обстановки.

Начальник штаба уехал явно обескураженный.

На фронте шириною до 15 километров всю ночь готовились к обороне танки и артиллерия, саперы ставили мины, мотопехота окапывалась вблизи танков, подвозились боеприпасы и горючее. Большинство офицеров армейского штаба и штабов корпусов находились в войсках, проверяя надёжность позиций каждого подразделения и танка.

Вечером ко мне прибыли генералы П. Г. Гришин и В. Н. Баскаков. Они доложили, что состоялся разговор по прямому проводу с начальником штаба Степного фронта генерал-лейтенантом М. В. Захаровым. Он информировал их, что решением Ставки Верховного Главнокомандования от 9 августа 5-я гвардейская танковая армия передана Степному фронту. Захаров подтвердил приказ командующего фронтом и категорически потребовал выводить армию в полосу действий 53-й армии, откуда нанести стремительный удар на Новую Водолагу с целью отрезать противнику пути отхода из Харькова в юго-западном направлении.

- Павел Алексеевич, вы должны прийти к какому-то решению, - сказал Гришин.

- Я, Пётр Григорьевич, уже принял решение обороняться до выяснения обстановки.

- Но ведь за несвоевременное выполнение приказов нас могут отдать под суд и расстрелять, - взволнованно говорил Гришин.

- Вот когда мы уйдём и немцы овладеют Богодуховом, тогда меня точно будут судить и расстреляют. Вы понимаете, что в этом случае будет поставлен под удар противника тыл войск всего левого крыла Воронежского фронта.

Начальник штаба армии, как бы поддерживая члена Военного совета, заметил, что “сверху” виднее.

- Командующий Степным фронтом, - сказал он, - требует от нас выполнения задачи, аналогичной той, которую поставил перед армией маршал Жуков, то есть нанести удар в обход харьковской группировки противника с юго-запада.

- Верно, Владимир Николаевич, но с весьма существенной разницей: Жуков имел в виду при этом, что противник будет обороняться, а наша армия после прорыва вражеской обороны пехотой перейдёт в наступление. Вышло-то по-иному: мощная танковая группировка немцев наступает, мы же - обороняемся.

Прижатый этими аргументами, я все-таки принимаю следующее решение: пишу шифровку Г. К. Жукову. Докладываю ему обстановку в районе действий армии и сообщаю о получении мною противоречивых приказов двух командующих войсками фронтов. В заключение ставлю в известность, что если от него (Жукова) до утра не последует новых распоряжений, то в 6.00 второй эшелон армии (5-й гвардейский мехкорпус) начнет движение по приказу Ватутина, а в 8.00 в том же направлении двинутся оба танковых корпуса, но при этом я снимаю с себя ответственность за богодуховское направление.

Подписавшись под шифровкой, предложил подписать ее П. Г. Гришину и В. Н. Баскакову. Они переглянулись. Побледневший Пётр Григорьевич Гришин официальным тоном произнёс:

- Вы, товарищ командующий, не желаете считаться с нашим мнением, поэтому мы подписывать этот документ воздержимся.

- Дело ваше, - как можно спокойнее сказал я и распорядился вызвать шифровальщика, которому приказал немедленно отправить шифровку Г. К. Жукову и взять ее под контроль.

Ночь прошла относительно спокойно. В четыре часа генерал С. А. Соловой доложил, что он направил танковым корпусам 15 отремонтированных танков и оказал им помощь армейскими ремонтными средствами в восстановлении боевых машин, имевших лёгкие повреждения.

До шести часов ни от командующих фронтами, ни от Г. К. Жукова никаких указаний не поступило. К этому времени у меня на НП уже

находился командир 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса генерал Б. М. Скворцов. В соответствии с принятым решением я приказал ему начать движение по двум маршрутам, поддерживая со мной непрерывную связь по радио. При этом комкор был предупреждён, что его корпус, возможно, будет возвращён в исходное положение или ему придётся наносить фланговый удар по танковой группировке противника в том случае, если она возобновит наступление на Богодухов.

Отпустив Б. М. Скворцова, я остался наедине со своими тяжёлыми думами. Не понятно было: почему молчит Г. К. Жуков? Вызываю по радио командиров танковых корпусов и уточняю обстановку. Но не успел закончить разговор с ними, как ко мне на НП прибыл Г. К. Жуков.

- Где Скворцов, и можете ли вы его остановить? - с ходу спросил маршал.

- Километрах в двадцати пяти - тридцати юго-западнее. Связь с ним имеется.

- Какие ему поставлены задачи?

Я доложил.

- А если немцы вот теперь перейдут в наступление, что вы будете делать?

- Если мы, товарищ маршал, вчера выдержали их натиск, то сегодня нам новый удар не страшен. Танковые корпуса подготовились к жесткой обороне, а корпус Скворцова готов нанести фланговый удар. К тому же у меня имеется сильный резерв.

- Это хорошо, - сказал Жуков и добавил: - А все-таки, раз есть возможность, прикажите Скворцову вернуться в исходное положение.

Распоряжение маршала я немедленно выполнил. После этого он предложил:

- Пишите от моего имени донесение Верховному - всё, как вы понимаете обстановку, а я, где нужно, поправлю.

Донесение было написано, подписано и отправлено.

- Вы завтракали? - вдруг спросил маршал.

- Нет.

- Ну тогда давайте позавтракаем, а то я изрядно проголодался, - сказал Георгий Константинович, расстёгивая китель.

Во время завтрака мне принесли шифровку от И. С. Конева. В ней говорилось очень лаконично: "За сдачу Богодухова отвечаете головой".

Жуков прочитал и, ничего не сказав, улыбнулся.

Георгий Константинович был явно доволен тем, что предугадал направление удара немецкой танковой группировки и восхищался стойкостью наших танкистов, преградивших путь противнику. 5-я

гвардейская танковая армия не только остановила врага и нанесла ему большие потери, но и прочно обеспечила фланг и тыл войск левого крыла Воронежского фронта, тем самым содействуя им в отражении нового контрудара гитлеровцев на Богодухов, последовавшего 18 августа уже с запада, со стороны Ахтырки.

Заместитель Верховного Главнокомандующего поручил передать благодарность личному составу армии и уехал, обещая по возвращении на свой КП связаться с И. С. Коневым и уточнить нашу дальнейшую задачу.

После отъезда Г. К. Жукова П. Г. Гришин и В. Н. Баскаков обратились ко мне за разрешением поставить свои подписи на шифровке, как выразился Пётр Григорьевич, “для истории”.

- Пожалуйста! - засмеялся я. - Но ведь история сохранит и шифровку все-таки лишь за одной моей подписью...

В то время как 5-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 5-й гвардейской и 1-й танковой армиями отражала контрудары немецких танковых дивизий на богодуховском направлении, войска Степного фронта развернули борьбу непосредственно на подступах к Харькову. Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать этот крупнейший экономический центр и узел коммуникаций, ликвидировать нависшую угрозу удара во фланг и тыл его донбасской группировки. Как стало известно, высшее немецкое командование требовало от командующего группой армий “Юг” генерал-фельдмаршала Манштейна отстаивать Харьков при всех обстоятельствах, рассчитывая стабилизировать оборону на южном крыле советско-германского фронта.

На исходе 17 августа советские войска прорвались к внутреннему обводу обороны гитлеровцев в Харькове. Особенно успешно действовала 53-я армия генерала И. М. Манагарова, которая, овладев населёнными пунктами Пересечная и Гавриловка, вышла на рубеж реки Уда, создав благоприятную обстановку для полного окружения противника в районе Харькова. В связи с этим командующий Степным фронтом приказал 5-й гвардейской танковой армии охватить Харьков с юго-запада. Наступая в направлении Коротича, она должна была выйти в район Бабаи (7 километров южнее Харькова).

Вспоминается огромный подъем боевого духа танкистов, вызванный известием о предстоящем штурме Харькова и ответственностью задачи, которая возлагалась на нашу армию. В частях прошли собрания партийно-комсомольского актива, сотни агитаторов провели беседы с бойцами во всех подразделениях.

За день до получения этой директивы у меня на НП побывал командующий войсками Степного фронта генерал армии И. С. Конев.

Нравился мне этот, несомненно один из выдающихся советских военачальников. Я питал к нему глубокое уважение за смелость, глубину и широкий размах принимаемых им решений, умение просто и исчерпывающе объяснить свой замысел и вытекающие из него задачи войск, за упорную настойчивость в осуществлении запланированных мероприятий. Невольно хотелось ему подражать при постановке боевых задач подчинённым.

При этой встрече Иван Степанович сказал, что очень доволен передачей 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова Степному фронту.

- Будем брать вторую столицу Украины - Харьков, - говорил он, стараясь придать этому сообщению какое-то торжественное звучание.

- Благодарю, товарищ командующий, за доверие, - в тон ему сказал я, считая, что 5-ю гвардейскую танковую армию используют в наступлении непосредственно на город.

- Постой, не торопись, - улыбнулся Конев. - Думали подтянуть вас к седьмой гвардейской армии Шумилова. Да она выходит на окраину Харьковского тракторного завода, и танкам негде маневрировать. - Командующий посмотрел на меня и, очевидно заметив на моем лице огорчение, ободряюще добавил: - Не горюй. Решили поставить тебе задачу посложнее. Пусть завод штурмует пехота. А ты со своими танкистами выходи на правый фланг армии Манагарова, откуда нанесёшь удар на Коротич, Люботин с целью отрезать пути отхода противнику из Харькова к Полтаве и не позволить немцам подтянуть резервы из района Богодухова. — Лицо Конева расплылось в озорной улыбке: - А ты думаешь, мы слабее Ватутина? Танки против танков: он тебя двинул против немецких танковых частей под Прохоровкой, а я - здесь.

- Но армия-то уже не та. Даже с отремонтированными машинами, пожалуй, и двухсот не наберём.

- Не жалуйся! На один твой танк немцам надо выставлять два-три. - Конев посмотрел на часы и заторопился, отказавшись от предложенного ему обеда. - Пока не возьмём Харьков, есть не буду, - прощаясь, пошутил он.

В ночь на 21 августа 5-я гвардейская танковая армия, сменённая стрелковыми соединениями, двинулась в полосу действий 53-й армии. К утру передовой отряд и 18-й танковый корпус сосредоточились в лесу севернее Пересечной, ожидая подхода 29-го танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов. Весь день ушёл на приведение частей в порядок и подтягивание тылов.

С рассветом 22 августа, переправившись через реку Уда, 18-й танковый и 5-й гвардейский механизированный корпуса перешли в стремительное наступление и к исходу дня освободили Коротич, а передовые отряды достигли шоссе Харьков - Люботин. У противника, оборонявшегося в

Харькове, оставались лишь железная и шоссейная дороги, идущие на Мерэфу и Красноград.

А нажим советских войск, сражавшихся за Харьков, нарастал. Гитлеровцы с бешеной злобой начали подрывать и поджигать здания, выводить из строя канализацию и водонапорные сооружения. Чтобы не дать врагу уйти безнаказанно и спасти город от разрушений, командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев назначил ночной штурм. При свете зарева пожаров войска фронта штурмовали квартал за кварталом и к утру 23 августа окончательно выбили захватчиков из Харькова.

В тот же день, обеспечивая отвод своих войск из района Харькова, гитлеровцы превосходящими силами обрушились не 5-ю гвардейскую танковую армию, занимавшую Коротич, и овладели его южной окраиной. Завязались тяжёлые, кровопролитные бои, которые продолжались до конца августа. В этих боях личный состав всех соединений проявил массовый героизм. Всю армию облетела весть о подвиге командира отделения 10-й гвардейской механизированной бригады комсомольца старшего сержанта А. И. Ощепкова. Автоматчикам во главе с Ощепковым было приказано разведать оборону противника в районе Буды. Они выполнили поставленную задачу, но на обратном пути столкнулись с большой группой вражеских солдат. Гитлеровцы окружили разведчиков, и те вступили в неравный бой. Огнем из автоматов и гранатами горстка храбрецов уничтожила около 50 фашистов, но, прорываясь из окружения, попала под пулемётный огонь вражеского дзота. Тяжело раненный, старший сержант Ощепков собрал последние силы и, подбежав к дзоту, закрыл своим телом амбразуру, спасая жизнь боевым товарищам.

Оставшиеся в живых автоматчики пробились в свою часть и рассказали, как погиб их отважный командир. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1944 года Андрею Ивановичу Ощепкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Бились насмерть танкисты, пехотинцы, артиллеристы, саперы и даже медики, отражая яростные контратаки врага. Только 26 августа один 18-й танковый корпус отбил 11 мощных контратак. В этот день пал смертью храбрых любимец танкистов, герой сражения под Прохоровкой, командир 32-й танковой бригады полковник А. А. Линев.

Гитлеровцы подбрасывали подкрепления, а у нас в армии осталось всего 50 танков. Я приказал собрать их в одном 5-м гвардейском механизированном корпусе, измотанные, поредевшие бригады которого медленно, но упорно продвигались вперёд. 29 августа они с боем овладели районом Буды и вышли к реке Мжа. Остальные соединения, уже без танков, по приказу командующего фронтом были сосредоточены в районе Старого

Мерчика, где совместно с войсками 53-й армии вели бои с 31 августа по 2 сентября.

* * *

Теперь, когда минули десятилетия, более отчётливо осознаешь роль 5-й гвардейской танковой армии в контрнаступлении советских войск на белгородско-харьковском направлении, завершившемся освобождением Белгорода, Харькова и Харьковского промышленного района.

Введённая в сражение в полосе общевойсковой армии, она вместе с 1-й танковой армией завершила начатый стрелковыми соединениями прорыв тактической зоны обороны врага и, выйдя на оперативный простор, за пять дней с боями преодолела более 100 километров, овладела Золочевом и поставила под угрозу важнейшие западные коммуникации харьковской группировки противника, чем способствовала войскам Степного фронта в овладении Харьковом.

Это был первый и очень поучительный опыт использования танковых армий новой организации в качестве эшелона развития успеха в составе подвижной группы войск фронта. Никакие другие соединения сухопутных войск в то время не облагали способностью так быстро изменять направление своего наступления и внезапно наносить по противнику мощные удары.

Действия 5-й гвардейской танковой армии в оперативной глубине отличались стремительностью и высокой манёвренностью, массированным применением танков, обходами и охватами вражеских опорных пунктов и узлов сопротивления, отражением контрударов противника с последующим маневром на другое, более выгодное направление.

Своим успехом армия была обязана прежде всего возросшему воинскому мастерству личного состава соединений, частей и подразделений, высокому уровню организаторской работы штабов, политорганов, партийных и комсомольских организаций, невиданному массовому героизму солдат, сержантов, офицеров и генералов. Успешные боевые действия армии в ходе контрнаступления трижды отмечались благодарностью в приказах Верховного Главнокомандующего, многие отважные воины были удостоены высоких наград Родины. Награждён был и я орденом Кутузова I степени.

За время наступательной операции на белгородско-харьковском направлении армия нанесла противнику большой урон в живой силе и боевой технике, уничтожив 413 танков, 37 самоходных орудий, 70 бронемашин, 245 орудий разного калибра, 200 миномётов, 695 автомашин и много другой

техники. Противник оставил на поле боя только убитыми 6870 солдат и офицеров.